

A woman with long, flowing red hair, seen from behind, stands in a dark, misty forest. She is wearing a dark, long-sleeved dress. The forest is dense with trees and a path leads away from her into the distance. The lighting is dramatic, with a bright light source from above creating a strong contrast and highlighting the woman's hair and the path.

НАТАЛЬЯ
ТИМОШЕНКО

Хранительница
ПЬОЛОТ

Annotation

Кому-то бабушки оставляют домики на Лазурном берегу, а популярной писательнице Эмилии Вышинской досталась в наследство старая усадьба среди полесских болот. Но это оказалось именно то, что сейчас нужно Эмилии, переживающей творческий и семейный кризис. Захватив с собой младшую сестру, Эмилия приезжает в усадьбу на правах новой хозяйки. Ей предстоит узнать, какие тайны на протяжении нескольких веков скрывали Вышинские, кто живет в лесу за усадьбой, а также почему Агату Вышинскую, оставившую ей наследство, называли Хранительницей.

Наталья Тимошенко
Хранительница болот

Жителям больших городов, привыкшим к широким проспектам, неоновым вывескам и вечному шуму, очень сложно представить, что бывают такие глухие места. Навигатор показывал, что мы свернули с трассы всего десять километров назад, но сейчас вокруг ничего, кроме дремучего леса и тишины, не было. Ни деревень, ни указателей, ни других машин, ни даже интернета. Краем глаза я видела, как Юлька отчаянно терзает телефон, пытаясь загрузить карту, но у нее ничего не выходит. Я не волновалась: еще накануне изучила маршрут и теперь была уверена, что не потеряемся. Я так долго вглядывалась вчера в карту, что теперь дорога казалась знакомой, будто я уже ездила по ней, знала каждый поворот.

Юльке было сложнее. Я хоть иногда выбиралась из города то с друзьями на дачу, то на озеро, то просто в лес. Юлька же была привязана к мегаполису, к удобным пандусам и круглосуточным клиникам. Тот факт, что она согласилась ехать к черту на кулички, до сих пор меня удивлял. Но я собиралась сделать так, чтобы эта поездка оставила у нее только самые приятные впечатления.

Если бы я ехала одна, не останавливалась бы по пути и добралась еще вчера, но с Юлькой пришлось заночевать по дороге. Ей было бы слишком тяжело преодолеть больше тысячи километров за раз. Да и мне, признаться, тоже, но, планируя маршрут, я об этом не думала. Была даже немного расстроена необходимостью остановки, а теперь радовалась. Мы приедем на место не глубокой ночью, а еще днем, отдохнувшие и свежие.

О месте, куда мы едем, я знала немного. Какая-то бабушка, о которой никто в нашей семье никогда не слышал, вдруг оставила мне домик в полесской глуши. Не во Франции, конечно, но этот домик оказался как нельзя кстати. Я переживала, наверное, самый глубокий кризис в жизни – и творческой, и личной, – а потому решила ехать не раздумывая. Все вокруг говорили, что это чистой воды сумасбродство, но я чувствовала: так надо. Тем более домик-то не совсем домик, а настоящая усадьба. По крайней мере, так было сказано в письме адвоката. Ну скажите, какой писатель откажется провести немного времени в личной усадьбе? А перспектива узнать больше о своей, как выяснилось, родовитой семье, еще больше подстегивала любопытство. Глядишь, и материал для новой книги насобираю, из этого бесконечного кризиса выберусь.

В общем, свернули мы с трассы еще по навигатору, но сигнал пропал почти сразу и дальше ехать пришлось по памяти и по единственной дороге. Деревьев вокруг становилось все больше и больше, пока наконец мы не поняли, что едем уже по лесу, а ветки вверху сплелись так тесно, что образовали своего рода тоннель. Тогда-то Юлька и потянулась к телефону, считая, что мы едем не туда.

Лес не становился реже, никакого просвета я не видела, теплый майский день словно остался там, на трассе, здесь же царила прохлада и полумрак. В некоторых особенно низких местах по земле между деревьев даже стелился легкий полупрозрачный туман. Наверное, если бы сейчас из леса вышел олень или медведь, я бы не удивилась. Потому что если и жить им где-то, то именно в таких местах.

– Мы не заблудились, – заверила я Юльку, – до поворота на деревню нам ехать километров пятнадцать, я запомнила.

Сестра с сомнением покосилась на меня.

– А если мы пропустим поворот?

Я была уверена, что не пропустим, но вслух не сказала. Как я объясню сестре, что знаю дорогу? Откуда вообще могу ее знать? Да, я изучала карту, но не смотрела панорамы, не было тут панорам. А теперь чувствовала, что уже проезжала здесь когда-то. Может быть, очень давно, в раннем детстве, я действительно уже бывала в этой усадьбе? Иногда на лето родители привозили меня к бабушке, и, пусть та жила под Минском, быть может, мы приезжали сюда с ней, родители не знали, а я не запомнила?

Нет, едва ли я теперь узнала бы. Просто мне настолько хотелось сбежать от собственной жизни, выпасть из нее на какое-то время, что казалось, я теперь поступаю единственно правильно, а потому и дорога выглядит знакомой.

Впереди наконец появился указатель, смотревшийся здесь так чужеродно, что я не сразу поверила глазам. Тем не менее на белом фоне было написано название деревни – Степаново, – находившейся по дороге к нашей, а значит, мы на правильном пути. На пути-то может и правильном, только теперь все остатки цивилизации остались позади. Асфальт закончился, лес стал еще гуще, почти не пропускал солнце к земле. Туман стелился не рваными кусками, а плотной пеленой, прятал под собой низкие кустарники, обнимал тонкие стволы деревьев. Пожалуй, впервые за время нашего путешествия мне пришло в голову, что это могла быть плохая затея. Да, я хотела отвлечься от проблем, залечь на дно, так сказать, но как бы об это дно сильно не удариться. Точно ли в такой глуши будет чистая вода? Туалет в доме? Хоть какой-то врач? Пожалуй, что-что, а тащить с собой Юльку не следовало. Надо было оставить ее дома, на попечении тетюшек, и не слушать ее отчаянное желание поехать со мной. Я без воды обойдусь, а она?

Однако я молчала. Толку уже теперь сомневаться? Назад не повернем, мы почти доехали. Еще несколько километров по плохой дороге, и лес наконец расступился, выплевывая нашу машину в большую деревню. Юлька шумно выдохнула, радуясь, что мы не сгнули в дремучем лесу, да я и сама испытала облегчение.

Теперь мы ехали пусть по грунтовой, но хорошей дороге, вдоль которой располагались простые деревенские домишки и – самое главное – тянулись линии электропередач. Дома были одноэтажными, почти все – деревянными, лишь изредка встречались кирпичные строения. Было видно, что каждый обитает. Никаких заросших бурьяном дворов, заколоченных окон и покосившихся заборов. Спустя минуту мы выехали и к главной деревенской площади, возле которой увидели не только магазин и двухэтажное здание администрации, но даже школу. Свежевыкрашенные турники на спортивной площадке и занавески на окнах давали понять, что она действующая. Значит, здесь есть и дети. Уже легче. Несмотря на дорогу, которая привела нас сюда, места больше не казались гиблыми.

Припарковав машину возле здания администрации, я вышла на улицу, вдыхая запах, которым, пожалуй, дышать не доводилось еще никогда. Пусть я и бывала в лесу, но то были леса неподалеку от города, а потому и воздух там был совсем не такой. Здесь же казалось, что вокруг разлит чистый кислород. Пахло свежескошенной травой, цветами, теплом, влажной землей и еще чем-то, что мой мозг не мог даже опознать. Легкие раскрылись, как у новорожденного ребенка, будто до этого момента я не умела дышать. Даже голова закружилась, пришлось схватиться рукой за дверь машины.

– Ты чего? – тут же заволновалась Юлька.

– Ничего, – отмахнулась я. – Пахнет просто волшебю.

Юлька опустила стекло со своей стороны и высунулась наружу. Солнечные лучи тут же запутались в ее ярко-рыжих кудрях, делая их почти красными. Юлька зажмурилась и весело

рассмеялась. Если до этого я и сомневалась в своем решении взять ее, то теперь все волнения исчезли. Ей тут понравится, а свежий воздух будет только полезен. А в деревне и без пандусов можно обойтись. В крайнем случае, если в нашем доме окажется высокий порог, деревенские мужчины наверняка смогут соорудить деревянный пандус.

Здание администрации, куда я направилась, сначала показалось мне необитаемым. Я сразу попала в просторный холл, по бокам уставленный старыми деревянными стульями, скрепленными в длинную сосиску и с поднятыми сиденьями. Последний раз такой раритет я видела, кажется, в младшей школе. Совершенно точно помню, что в пятом классе, когда для нас впервые провели школьную дискотеку в актовом зале, стулья там были уже совсем другими, современными. В дальнем углу притаился большой музыкальный центр, а с потолка ровно посередине залы – почему-то холлом это место мне уже не хотелось называть – свисал большой блестящий шар наподобие тех, что вешают в ночных клубах. Держу пари, в нужное время этот тоже крутится и переливается всеми цветами радуги, разбрасывая разноцветные искры по стенам. Наверняка здесь проводят деревенские дискотеки, для того и повесили шар.

Допотопные стулья и пошлый шар – странное сочетание, но не мне судить. Из залы вглубь здания вела всего одна дверь, за которой спрятался длинный полутемный коридор. Когда я шла по нему, разглядывая потертые вывески на каждой двери, эхо гулко повторяло каждый шаг, отчего становилось немного неуютно и даже тревожно. Я читала вывески и прислушивалась к звукам за дверями, но кругом стояла полная тишина. А когда рискнула нажать на ручку двери с надписью «Завхоз», выяснила, что дверь заперта. Часы показывали уже начало шестого вечера, но, если бы все разошлись по домам, разве не заперли бы здание? Как минимум музыкальный центр вполне можно было продать на ближайшей толкучке.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – наконец решилась спросить я, и ответом мне стала упавшая где-то впереди папка.

По крайней мере, звук был глухим и коротким, ничего не разбилось и не разлетелось на куски. Следом за этим ударом донеслись и шаги, а затем скрип открываемой двери: в самом конце коридора кто-то все-таки был. Дверь открылась, и мне навстречу вышел мужчина лет сорока, невысокий, очень полный, со светлыми выгоревшими на солнце волосами и такой же светлой растительностью на лице. На нем были брюки, пиджак и даже галстук, а туфли сверкали не хуже дискотечного шара. На мой взгляд, в такую погоду носить подобные вещи – издевательство над собой, но зато я была уверена, что мужчина принадлежит к местной администрации. А значит, может быть мне полезен.

– Добрый день! – первой поздоровалась я, видя, что мужчина слишком удивлен, чтобы соблюсти правила приличия. – Я ищу Прохорова Григория Федоровича.

Мужчина наконец оправился от шока, но стал отчего-то подозрительным.

– Это я, – признался он. – А вы по какому вопросу?

Отлично, значит, гражданин передо мной – староста деревни и глава местной администрации. Это объясняет пиджак в двадцатипятиградусную жару, но совершенно не оправдывает отсутствия воспитания. Однако я решила не обращать внимания.

– Меня зовут Эмилия Вышинская, я новая владелица усадьбы Вышинских.

Повезло, что у женщины, оставившей мне имение, была та же фамилия, что и у меня. Прохоров сразу понял, о чем речь. Да и адвокат наверняка сообщал ему о том, что я собираюсь приехать. Напряжение исчезло из его взгляда, а что появилось – я не разобрала.

Не успела. Он тут же скрылся за маской вежливой улыбки и пригласил меня в кабинет.

– Значит, вы наследница бабки Агаты, – заключил он и тут же поправился, вспомнив, что сейчас он местный глава, а не деревенский житель: – Агаты Олеговны, я хотел сказать. Усадьба под моим ведомством, я знал, что скоро должны объявиться наследники. Вы же издалека приехали, да? Адвокат вроде говорил, что в России живете?

– В Москве, – уточнила я. – Родители переехали еще до моего рождения. Они ученые, их пригласили туда на работу.

Не знаю, с чего я так разоткровенничалась, обычно подобная многословность не в моем стиле. Я умею складывать слова на бумаге, а вот вслух произносить длинные речи не люблю.

Прохоров закивал в ответ, потянулся к сейфу, вытащил какие-то бумаги.

– Вот тут мне будет нужна ваша подпись, – заявил он, аккуратно кладя папку на стол. – За то, что я вам ключик от дома отдал.

Никакого ключика он мне не давал, кстати.

– Сегодня переночуете у Ангелины Федоровны, я договарюсь, а завтра с утра поедем осматривать ваши владения.

– Я бы хотела сделать это еще сегодня.

Прохоров поднял на меня удивленный взгляд, будто я заявила, что предпочту ночевать в его доме.

– С-сегодня? – заикаясь, переспросил он.

Его реакция была мне непонятна. Всего шестой час, солнце еще высоко, во второй половине мая дни длинные, стемнеет нескоро. Чего ждать? Зачем нам с Юлькой ночевать у какой-то незнакомой женщины – кстати, до сна еще куча времени, что мы будем делать? – если можно устроиться в нашем уже доме. Если там жила эта бабка Агата, значит, здание не заброшено, кирпичи и доски ночью нам на голову не упадут.

Половину из этого я озвучила Прохорову. Он снова закивал, принялся бестолково перебирать лежащие на столе бумаги. Ничего не искал, просто перекладывал их с места на место.

– Как вам будет угодно, – наконец заключил он, и голос почему-то зазвучал на тон холоднее, чем раньше.

Староста вытащил из сейфа длинный ключ, которым впору было бы открывать двери в старинном замке, и положил передо мной. Я напряглась. Я ведь даже фотографий своего нового дома не видела, что, если там на самом деле замок? Однако ключ я взяла, подпись за его получение поставила.

– Вы поедете с нами? – спросила я. – Вам лучше известно, что там да как, покажете, расскажете.

Немного лести в данном деле не помешает. Я ведь и на самом деле не знала дороги дальше. Деревня, рядом с которой находится усадьба, на карте была обозначена крохотной точкой, ни панорамы, ни каких-то сведений в интернете о ней я не нашла. А усадьба и вовсе нигде не упоминалась. До Степаново я еще доехала, а вот дальше требовалась помощь.

Прохоров думал недолго. Будто решал, есть ли у него какие-то важные дела на вечер, или посмотреть, как две москвички будут разглядывать туалет на улице, ему хочется больше. Любопытство и жажда зрелищ победили.

– Поехали. Там как раз сейчас Петрович диспансеризацию проводит, назад меня подхватит.

Очевидно, Петрович – это местный врач или фельдшер. За зданием администрации я

видела одноэтажное кирпичное здание с нарисованным на стене зеленым крестом. Должно быть, ФАП, вотчина еще неизвестного мне Петровича.

С Юлькой Прохоров поздороваться не забыл. То ли окончательно пришел в себя, то ли был настолько очарован ее красотой. Юлькиной красотой все очаровывались, вне зависимости от пола и возраста. Одни огненно-рыжие волосы до пояса чего стоили! А дополняли это великолепие точеные черты лица, тонкий нос, пухлые губы, бледная кожа с милой россыпью веснушек на щеках и огромные зеленые глаза в обрамлении пушистых темно-рыжих ресниц длиной в полметра и двух тонких бровей такого же цвета. Родись Юлька лет на триста раньше, ее непременно сожгли бы на костре, сейчас же замирали от восторга, впервые с ней встретившись. И даже изуродованные болезнью ноги не портили впечатления. Обычно, когда люди их замечали, они уже до того были очарованы, что на ноги просто не обращали внимания. Кто посмотрит на неестественно вывернутые колени, когда можно смотреть на ямочки на щеках?

В плане внешних данных мне повезло меньше: волосы и глаза были бледнее, ресницы – короче, веснушки, особенно летом, сливались в большие пятна, отчего в летнем лагере меня однажды обидно прозвали Курочкой Рябой. Мужчины никогда не оглядывались мне вслед, а женщины порой давали непрошенные советы о том, как можно вывести веснушки. Но я могла ходить, а потому завидовать сестре не было ни единой причины.

Юлька и староста болтали всю дорогу до маленькой деревни под названием Востровка. В основном болтала Юлька, а Прохоров зачарованно слушал, и мне не удалось выяснить никаких деталей ни об усадьбе, ни об Агате Вышинской, о которой до сих пор не было известно ровным счетом ничего.

Я же осматривалась вокруг. Если дорога, ведущая к Степаново, проходила через лес, то от Степаново до Востровки скорее через болото. Деревья здесь были не такими высокими, уже не сплетались верхушками над головой. Напротив, чем ближе мы были к Востровке, тем чахлее они выглядели. Тонкие, искривленные в разные стороны, они чем-то напоминали мне Юлькины ноги. Будто тоже с самого рождения, с первого семечка были поражены неведомой болезнью, росли вопреки природе, каждый день сражались за жизнь.

– Ой, а что с лесом? – спросила Юлька, разглядывая проплешины между деревьями.

– Так ведь багна тут, – пояснил Прохоров. – Торфяное болото. На таких густой лес не растет. А что вырастет, то погибнет от пожара. Когда торфяники горят – страшное дело. Огня не видно, все под землей, а живое гибнет. Только по запаху и узнаем, что снова горит. Погодите, в этом году жара только началась, скоро сами увидите, если тут задержитесь.

Юлька испуганно передернула плечами и бросила на меня быстрый взгляд. Я ничего не ответила. Посмотрим, насколько мы задержимся. Пока я планировала провести тут все лето, но многое будет зависеть от того, в каком состоянии усадьба и что мне захочется с ней сделать.

Востровка разительно отличалась от Степаново. Дома здесь тоже были деревянными, но, за редким исключением, – непокрашенные. Все одинакового коричневого цвета, они стояли в глубине дворов, скрытые за пышными кустарниками и деревьями. Будто местные жители, зная, что вокруг них одно болото, стремились вырастить нормальные деревья хотя бы вокруг домов. Очевидно, местность для самой деревни когда-то осушали, иначе она бы тоже давно потонула в трясине. Зато теперь стало понятным ее название, произошедшее наверняка от слова «остров». Это действительно был остров среди огромной багны.

Людей я не заметила. Возможно, они трудились в огородах: солнце хоть и было еще

высоко, но уже не палило так нещадно, как несколькими часами ранее. Самое время работать на улице. И только приглядевшись, я поняла, что наш приезд не остался незамеченным. Местных привлекла большая машина, они следили за нами, пугливо прячась за деревьями.

Впереди показался перекресток, за которым наша дорога делилась на два рукава, но стоило мне свернуть налево, как перед машиной словно из ниоткуда возник человек. Я резко затормозила, всех, кто был в салоне, швырнуло вперед. Юлька громко охнула, а Прохоров не сдержал ругательства. Открыл дверь, выскочил наружу и заорал:

– Константин! Совсем умом тронулся?!

Придя в себя, я смогла рассмотреть того, кого чуть не сбила. Это был старичок лет семидесяти, в темных штанах, светлой, но испачканной в нескольких местах рубашке и старых истоптанных ботинках светло-коричневого цвета. Почему-то ботинки удивили меня больше всего. Не то чтобы я ожидала увидеть местных жителей в лаптях, но тимберленды? Наверное, кто-то из детей привез. Некоторые отвозят старые вещи, чтобы ходить в них на даче, а некоторые презентуют родителям. Изрезанное морщинами лицо старика не казалось ни добрым, ни настороженным. Выцветшие глаза смотрели на нас из-под кустистых бровей с любопытством. Слова старосты он будто и не услышал, разглядывал лишь нас с Юлькой.

– Каго гэта ты прывез, Грышка^[1]? – спросил он.

Я вышла из машины, Юлька осталась внутри. Она все еще выглядела перепуганной.

– Это новые владельцы Агатиной усадьбы, – представил нас Прохоров уже обычным тоном.

– Меня зовут Эмилия, а это моя сестра Юлия, – добавила я.

Во взгляде старика, кроме любопытства, появилось что-то еще. Что-то такое, что я уже видела в глазах старосты, когда называла свое имя.

– Так-так, – пробормотал старик и вдруг протянул мне руку. – Цудоўна! Вельмі прыемна! Дзедам Кастусём мяне клічуць^[2].

– Константин, дамы из Москвы, говори нормально, – недовольно поправил Прохоров.

– А хіба ж я не нармальна размаўляю? – усмехнулся в пышные усы дед Кастусь, хитро поглядывая на меня. – Эмілія ўсе разумее. Разумееш ж^[3]?

– Разумею^[4], – внезапно ответила я.

Я видела недоуменный взгляд Юльки, но сама, к собственному удивлению, действительно поняла каждое слово. Я, конечно, слышала белорусский язык и по телевизору, и по радио, когда бывала у бабушки в гостях, но не думала, что так хорошо его помню. Сама бабушка почти никогда на нем не разговаривала, да и умерла много лет назад, а вот поди ж ты!

– Добра! – кивнул дед Кастусь. – Ну, сардэчна запрашаем, калі так. Яшчэ пабачымся. Мяне тут усе ведаюць. Але будзьце асьцярожнымі, кажуць, шэрага воўка бачылі ў лесе^[5]!

Прохоров на это лишь фыркнул.

– Не мели ерунды, Константин!

– Якая ж гэта ерунда? Ты, Грышка, ад’еўся як пан, а дурны, як баран! Узяў бы касу лепш, памахаў ёю дзень, глядзіш, і розуму б дабавілася, і маці б чужых людзей не прасіла^[6].

Прохоров заметно побагровел, я уж думала, ответит что-то резкое, но он сказал вдруг негромко, словно оправдываясь, но пытался это скрыть за резким тоном:

– Я работаю, Константин. У меня рабочий график. Некогда мне косой махать.

– Але, – кивнул головой дед Кастусь, но во взгляде по-прежнему читалось неодобрение: – Лепш сьмерць у полі, чым жыцьцё ў няволі. А ты менавіта ў няволі й жывешч, Грышка. Карані забыўся, за грошы прадаўся. Хіба не памятаеш, што дзяды расказвалі? Баюся, як бы зноў не пачалося^[7].

Староста не стал большэ слушать, забрался в машину, хлопнул дверью.

– Вы на старика внимания не обращайтесь, – посоветовал Прохоров, оглядываясь назад, как мне показалось, с тревогой. Впрочем, это могла быть лишь игра моего воображения, я же видела его в зеркале заднего вида. – Местные тут странноватые. Что старики, что дети. Хотя детей здесь немного. Живут среди болота всю жизнь, цивилизации не видели, вот и придумывают небылицы.

– Какие, например?

Во мне поднял голову писательский интерес. Мистикой и фольклором я никогда не занималась, но необычные истории люблю. Никогда не знаешь заранее, какая из них окажется настолько интересной, что захочется вставить в книгу.

– Да разные, – нехотя ответил Прохоров. – Одна вот, Верка Жуковская, знахаркой себя мнит, все болезни травами и молитвами лечит. Фельдшер наш бесится страшно. Да и поп местный тоже. Одному травы поперек горла, другому молитвы.

Могу себе представить. Неизвестная мне Верка лезет на территорию обоих, вот они и бесятся. Я с одинаковым недоверием отношусь как к травам, так и молитвам, предпочитаю более цивилизованные методы лечения, но познакомиться с Веркой уже захотелось. Никогда в жизни не встречала знахарок. Ведьм, гадалок, экстрасенсов в Москве едва ли не больше, чем банкиров и учителей, а вот знахарок не видела.

– А что дед Кастусь говорил про волка? – уточнила я.

– Да брешет, – не слишком уверенно ответил Прохоров, почесывая затылок. – Волки в багну не сунутся. Говорят, когда-то водились у нас тут, но давно уже их не видели. Чуть дальше в лесу есть, конечно, но к нам не приходят.

Последний дом Востровки остался позади, а впереди я увидела то, что бывает в каждой деревне: деревенское кладбище. Оно располагалось справа от дороги и казалось достаточно большим для маленькой деревни. Возможно, такое ощущение складывалось из-за того, что кладбище заросло высокими соснами и раскидистой акацией, но деревянные кресты между ними я видела четко. Только кресты, никаких памятников и оградок.

Я не большой любитель кладбищ, не понимаю тех, кто восторгается ими и ходит гулять по их дорожкам, но, проезжая мимо, никак не могла оторвать от него глаз. Оно манило меня, звало, словно обещало что-то, шептало. И я всматривалась в пространство между крестами и деревьями, искала взглядом сама не знаю что.

– Эмма!

Только окрик Юльки привел меня в чувство. Я машинально крепче схватилась за руль, посмотрела на дорогу и увидела, что еду точно по направлению к дереву. По другую сторону дороги росла небольшая еловая посадка, и еще немного – мы припарковались бы в ней. Я тут же вырулила обратно на дорогу, чувствуя, как бешено бьется сердце в груди.

– Ты чего? – возмущенно спросила сестра, а я лишь головой покачала.

Что ей сказать? Не говорить же, что меня кладбище звало. Юлька точно посчитает это дурным знаком и, чего доброго, попросит вернуться обратно.

– Странное тут кладбище, – стараясь, чтобы голос звучал буднично, сказала я. – Одни кресты, никаких памятников.

– Я же говорю, чудные тут люди, – нехотя буркнул староста.

Он словно потерял интерес к беседе, не хотел сообщать нам ничего лишнего, а я не стала настаивать. Чувствовала: у меня еще будет и время, и возможность задать вопросы другим людям. Что-что, а разговаривать людей я умею. Не испытываю сейчас подобного желания, но умею. Может, когда отдохну, приду в себя, и желание появится. Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, но я вдруг поняла: именно это место и поможет мне вернуться к жизни.

Сразу за кладбищем начиналось поле. Небольшое, со всех сторон я видела его окончание. Росла здесь, похоже, кукуруза, но то ли только начинала всходить, то ли сажать кукурузу на болотистой местности было не лучшей идеей: ростки выглядели чахлыми и больными. И снова я вспомнила деревья по дороге от Степаново до Востровки. Будто вся природа здесь была умирающей.

За полем снова начинался довольно густой лес, но какой-то неправильный. И только подъехав ближе, я поняла, что это не лес, а парк. Запущенный, неухоженный, но парк. Когда-то деревья здесь высаживали по четкому плану, поэтому и выглядит теперь лес необычным. Среди деревьев я заметила большие железные ворота. Они оказались призывно распахнуты, и именно в них мы въехали по совету Прохорова.

– Вот это и есть ваша усадьба, – сказал он, когда впереди показался большой двухэтажный дом.

Дом оказался не совсем двухэтажным, как я подумала сначала. Два этажа построили лишь для основного здания, а флигели, расположившиеся по обе стороны от него, были одноэтажными и походили на толстые сардельки, выглядели старыми и заброшенными. Впрочем, такое впечатление могло создаваться лишь внешне.

Каменный дом, выкрашенный когда-то в белый цвет, давным-давно стал где-то серым, где-то желтым, а где-то краска и вовсе облупилась, обнажая кирпичи, как пролежни на старческом теле. Две колонны, обрамляющие вход, походили на атлантов, держащих на своих теперь уже дрожащих плечах большой балкон второго этажа. Ступеньки тоже пострадали, кое-где раскололись, кое-где поросли мхом. Но все окна были целыми, изнутри занавешенными шторами, а потому с улицы нельзя было разглядеть внутреннее убранство.

И все казалось знакомым. Я словно уже бывала здесь, стояла вот так же перед входом, запрокинув голову, смотрела вверх, туда, где под самой крышей блестела в лучах заходящего солнца латинская буква W. Наверное, первая буква в семейной фамилии. Присмотревшись, я поняла, что буква эта является частью фамильного герба, до того пострадавшего, что теперь уже сложно было понять, что именно на нем изображено.

Основное здание было небольшим, я насчитала всего по три окна с каждой стороны от входа, а размер флигелей еще предстояло оценить. Но даже до того, как я завернула за угол и рассмотрела их получше, уже видела, что один был бледно-голубого цвета, а другой – бледно-зеленого.

Сложно было представить, что в таком огромном доме много лет жила лишь одна старушка. Зато воображение живо нарисовало, как когда-то перед входом останавливались кареты, дамы в пышных платьях поднимались по идеально ровным ступенькам, во всех окнах горел яркий свет, а дверь на балкон была распахнута, и оттуда доносилась громкая музыка. Ведь наверняка такое здесь происходило, дом казался достаточно старым, чтобы застать времена балов и пышных приемов. Только теперь меня удивило и еще кое-что: почему вплоть до этого года он принадлежал Агате Вышинской? Почему после революции его не забрали Советы, как происходило со многими другими подобными домами? Почему не сделали из него больницу или приют?

Мои размышления прервал смущенный голос старосты:

– По ступенькам вам не подняться, я распоряжусь, чтобы открыли дверь в одном из флигелей, там нет ступенек.

Оказалось, пока я, разинув рот, рассматривала свои новые владения, Юлька при помощи Прохорова уже выбралась из машины. Автомобиль был оборудован специальным подъемником, позволяющим сестре самостоятельно садиться в машину и вылезать из нее, но кресло все равно кто-то должен был выкатить из багажника и подвезти к пассажирской двери. Значит, Юлька отчаялась дожидаться меня и попросила старосту. Я знала, как стесняется она принимать чужую помощь, а потому испытала острый укол совести, тут же подошла к ней, мягко перехватывая ручки кресла у Прохорова. Вообще-то креслом Юлька отлично управляла сама с помощью джойстика, но мне просто хотелось дать ей понять, что я снова здесь, стою за ее спиной, не забыла и не променяла на старые развалины. Ладно, насчет развалин я погорячилась, дом выглядел достаточно крепким. Требующим ремонта, но крепким.

Черт, когда же я приезжала сюда? Почему родители несказанно удивились, узнав о наследстве?

Обращали на себя слова старосты о том, что он «распорядится открыть вход во флигеле». Это кем он собрался распоряжаться? Неужели к дому прилагается еще и толпа обслуживающего персонала? Догадка, если честно, меня здорово напугала! Гораздо сильнее, чем необходимость ночевать в старом доме посреди леса.

– Здесь есть какие-то работники? – осторожно уточнила я.

– Двое, – кивнул Прохоров. – Кирилл Жуковский и его мать. Я вам про нее рассказывал, Вера. Парнишка молодой, но сильный, с любой работой вам поможет. Мать у него странноватая, но Агата Олеговна ее привечала, она тут за кухарку и уборщицу. Я вас сейчас познакомлю.

И точно, из-за угла к нам уже направлялась странная парочка: молодой мужчина, почти еще мальчик, нескладный и сутулый, с торчащими в разные стороны светлыми волосами и длинными руками, которые он постоянно тер друг о друга, будто не знал, куда их деть; и невысокая полная женщина неопределенного возраста, с волосами, спрятанными под платок, в темном платье и внезапно белом переднике, будто из знаменитого сериала про английское аббатство.

– Вот, ваши новые хозяева приехали, – вместо приветствия заявил староста.

От его слов веяло каким-то неприкрытым снобизмом, честно говоря. Какие мы им хозяева? Дому – да, но не его работникам. Крепостное право отменили сто шестьдесят лет назад, если только мы не провалились в прошлое.

– Добрый день, меня зовут Эмилия, это Юля, – я указала на улыбающуюся сестру. Надо брать разговор в свои руки, пока староста не настроил этих двоих против нас. – Агата Олеговна оставила усадьбу мне.

Женщина расплылась в улыбке, которая сделала ее старше, изрезав лицо глубокими морщинами и спрятав глаза за пухлыми щеками и широкими бровями. Старше, но добрее, так что непременно захотелось бы улыбнуться в ответ, если бы до этого я еще не улыбалась. Было в Вере что-то материнское, крепкое. Наверное, если бы она сейчас шагнула ближе и раскрыла для меня объятия, я бы не стала противиться, хотя вообще-то терпеть не могу такие близкие физические контакты даже от хорошо знакомых людей. Но Вера осталась стоять на месте, как и ее сын.

– Очень рады вас видеть, – сказала она. – Мы уж заждались, а потом и надеяться перестали, что вы приедете. Вам тут понравится!

При этих словах Прохоров странно фыркнул, будто считал, что двум московским барышням не может понравиться в глухом лесу. Логика в его словах была, конечно, но я не сомневалась, что в этом месте есть особое очарование. Я уже чувствовала его, впитывала кожей, вдыхала вместе со свежим воздухом.

– Ну, познакомились, а теперь пора в деревню, – хлопнул в ладоши староста, когда процедура знакомства была завершена.

– Зачем в деревню? – удивилась Вера. – Разве вы не останетесь тут? – Она перевела взгляд на нас.

– Не останутся, – строго заявил Прохоров.

Я бросила на него быстрый взгляд, наконец понимая, что происходит. Вера была не просто кухаркой и уборщицей, как пренебрежительно отозвался о ней староста, она управляла имением, была здесь второй после Агаты Вышинской, а старосте это не

правило. И теперь, когда хозяйка усадьбы отошла в мир иной, он собирался показать, кто здесь главный.

– Место для жизни пока непригодно, – добавил Прохоров, одергивая полу пиджака.

Бедняга, как ему жарко, наверное! Несмотря на то, что в лесу было прохладнее, чем в деревне, все равно достаточно тепло, чтобы я не мерзла в легком платье. Я могла себе представить, как чувствует себя староста, но жалости к нему не испытывала. Напротив, мне захотелось, чтобы он поскорее уехал.

– Мы останемся здесь, – твердо заявила я прежде, чем что-то успела бы сказать Вера.

– Но... – начал староста, однако, наткнувшись на мой взгляд, замолчал и помрачнел: – Как хотите.

– Вас отвезти в деревню? – все тем же строгим тоном предложила я, помня, что он собирался найти фельдшера и уехать с ним.

– Пройдусь, – буркнул Прохоров. – Ключи я вам отдал, дальше мои полномочия заканчиваются.

Он развернулся и быстрым шагом направился к кукурузному полю, а я не стала его останавливать. Видела в глазах Веры одобрение, и почему-то это показалось страшно приятным.

Втроем с Кириллом и Верой мы ловко перетащили в дом чемоданы и сумки. Кирилл без лишних просьб открыл неприметную дверь в голубом флигеле, и Юлька заехала в дом через нее.

Внутри дом оказался еще больше, чем выглядел снаружи. Через главный вход я попала в большую гостиную, обстановка в которой давала понять, что ею пользовались до последнего. На окнах висели тяжелые портьеры, стены украшали портреты мужчин и женщин, когда-то тут живших. Мебель была расставлена таким образом, чтобы большая часть комнаты оставалась свободной. Ваза в углу оказалась пустой, но я была уверена, что еще недавно в ней стояли цветы. Настоящим украшением гостиной был огромный камин со сложенной рядом поленицей дров. Напротив камина располагался диван с темно-красной обивкой и тремя коричневыми подушечками. Потолок здесь оказался таким высоким, что я сумела разглядеть его, только полностью задрав голову. Очевидно, над гостиной второго этажа не было, она занимала все пространство. Где-то там, в самом верху, свисала большая люстра, которая, должно быть, одна могла осветить все помещение. По обе стороны гостиной вверх уходили две лестницы, а рядом с ними располагались двери, ведущие в коридоры и дальше – во флигели. Поначалу мне показалось, что два крыла второго этажа никак не соединяются, чтобы попасть из одного в другой, нужно спуститься в гостиную, но вскоре я заметила протянувшийся над входной дверью балкон, выходящий внутрь дома. По нему можно было перейти из одного крыла в другое.

С четвертой стороны гостиной, прямо напротив входа, был еще один выход. Две огромные стеклянные двери распахнулись с натужным скрипом, как только я коснулась их. Выйдя на улицу, я поняла, что дом построен буквой П, а во внутреннем дворе когда-то был разбит прекрасный сад, теперь уже запущенный и заросший. Посреди сада я разглядела даже заброшенный фонтан. Боже, как, наверное, когда-то тут было прекрасно! И как же так получилось, что Агата Вышинская осталась здесь одна? Почему мы не знали об этой усадьбе? Или бабушка все-таки знала и когда-то привозила меня сюда?

Решив, что осмотрю сад и двор позже, я вернулась в дом. К этому моменту Вера куда-то исчезла, среди гостиной стояли лишь Юлька и Кирилл. Причем лицо последнего пылало

еще ярче, чем Юлькины волосы. Сестра же кокетливо улыбалась и что-то рассказывала, чем и вгоняла в краску бедного деревенского парня. Юлька, несмотря на неспособность ходить, в полной мере осознавала собственную красоту, флиртовать умела и любила. Чем сейчас беззастенчиво пользовалась. Еще минута – и Кирилл упадет в обморок, как затянутая в корсет барышня.

– А где Вера? – поинтересовалась я, обозначая свое присутствие.

Кирилл повернулся ко мне с видимым облегчением. Не готов он был к напору столичной красавицы; разговаривать о более приземленных вещах, в которых он разбирается гораздо лучше, чем в тонком искусстве обольщения, ему было комфортнее.

– В д-деревню ушла, – ответил, заикаясь, Кирилл. – Мы не знали, что вы приедете, в доме ни молока, ни хлеба свежего. Мама быстренько ужин вам приготовит, вы, небось, устали и проголодались с дороги.

Этого я не могла отрицать. Посетовала только, что Вера пошла пешком, мы могли бы съездить на машине, но Кирилл лишь махнул рукой, заверив, что мама справится быстро, много продуктов нести не станет, только на ужин. Зато мы пока можем заняться обустройством хотя бы самых необходимых комнат.

Более или менее жилой в доме была всего одна спальня, принадлежавшая Агате. Но она находилась на втором этаже, поэтому ее заняла я, Юльку же следовало поселить на первом. И тут возникли трудности. Оба флигеля оказались в совсем непригодном состоянии, в столовой или огромной гостиной жить ей было бы неудобно. Оставалась всего одна комната по левую сторону гостиной, бывшая много лет назад чьим-то кабинетом. Очень. Много. Лет. Назад.

Кабинет был большим, но сильно захламленным, а еще пыльным и неубранным. Если мебель и книги можно вынести, то на уборку придется потратить минимум полдня, а солнце уже клонилось к закату.

– Я вам помогу! – с энтузиазмом заявил Кирилл, видя наше положение.

Мы отправили Юльку в сад, чтобы она не дышала пылью, а сами принялись за дело. Выносили мебель и складировали ее у камина, мыли окна, собирали паутину и клочья пыли. Без Кирилла я бы не справилась. И дело даже не в том, что пришлось бы работать ночью, а в том, что я элементарно не знала, где что стоит, где набрать воды и прополоскать тряпку.

За работой мне удалось выяснить, что Кирилл всю свою жизнь прожил в Востровке. Ему двадцать два года, после школы он не поступил в колледж и вернулся в деревню, намереваясь подготовиться получше, да так и не сделал этого. Агата Вышинская взяла его к себе на работу, платила щедро, и Кирилл не смог бросить мать, остался в Востровке насовсем. Ему нравилась их маленькая деревня, спокойная жизнь и непыльная работа у Агаты. Насчет непыльной парень, конечно, соврал. Лично я уже обливалась слезами и соплями, хотя аллергиком никогда не была.

– В чем заключалась ваша работа? – поинтересовалась я, возя шваброй по потолку.

– Да так, – парень неуверенно пожал плечами. – То подремонтировать что-то, то дров наколоть, то воды наносить. За садом приглядывал. Мама моя тоже здесь трудилась. Усадьба очень старая, работа всегда найдется.

В это я могла поверить с легкостью. Завтра, когда осмотрюсь получше, наверняка пойму, что мне понадобится с полсотни таких Кириллов и Вер, чтобы навести тут порядок.

Закончив с потолком, я залезла на стремянку и потянулась к тяжелым портьерам, намереваясь их снять, но Кирилл остановил меня:

– Нет!

Его возглас был таким громким и внезапным, что я пошатнулась от неожиданности и едва не упала. Не упала, потому что успела ухватиться за портьеры, и те меня выдержали.

– Не надо, – виновато повторил Кирилл. – Не снимайте.

– Почему? На них пыли больше, чем во всей остальной комнате.

– Не надо окна незанавешенными оставлять на ночь.

– Почему?

Кирилл смутился и принялся с усердием тереть пол, но я не собиралась позволять ему промолчать.

– Кирилл?

Парень вздохнул, но от занятия не оторвался.

– Они знают, что Хранительница мертва, – едва слышно сказал он. – Будут приходить сюда, в окна заглядывать. Юля испугается.

По моей спине поползли толпы мурашек. Мокрыми стали даже ладони, которыми я продолжала цепляться за шторы. Хотя, чего именно я так испугалась, не понимала.

– Кто? – охрипшим от волнения голосом спросила я, но Кирилл не ответил. – Кто будет приходить? Здесь... небезопасно?

Парень наконец посмотрел на меня. Если бы можно было повернуть время вспять, он бы сделал это и зашил себе рот толстыми нитками, но теперь приходилось отвечать.

– Безопасно, – не слишком уверенно произнес он. – Просто можете испугаться поначалу.

Я наконец отпустила портьеры и слезла вниз. Подошла к Кириллу, заглянула в глаза. Тот окончательно смутился, покраснел сильнее, чем когда болтал с Юлькой.

– Хранительница – это Агата Вышинская, так?

Он кивнул.

– Кто будет в окна заглядывать? Кто-то из местных?

– Не могу я.

Парень почти плакал. И мне вдруг стало его жаль. Очевидно, он и так сказал больше, чем должен был. Я могла бы надавить, но не стала. У меня еще будет время все разузнать, а с первого же дня настраивать против себя того, кто много знает, – плохая идея.

– Какие еще правила в этом доме?

Кирилл искоса посмотрел на меня, будто проверял, действительно ли я больше не буду задавать неудобных вопросов.

– Никаких, – ответил он. – Просто после наступления темноты во двор не выходите и окна не открывайте. Если кто-то стучит – к двери не подходите и вообще не разговаривайте с теми, кто стоит по ту сторону.

Я вдруг поймала себя на том, что глупо улыбаюсь. Все это походило бы на идиотскую шутку, если бы только нам с Юлькой не предстояло ночевать одним в огромном старом доме посреди незнакомого леса. Даже если будем кричать и звать на помощь – никто не услышит. А если и услышит, точно ли поможет? Кто знает, каковы мотивы местных? Может быть, они только и ждали, когда умрет хозяйка усадьбы, чтобы разворовать дом. Мобильный телефон, как я уже успела заметить, сеть почти не ловит, а даже в тех местах, где до нее дотягивается, делает это очень неуверенно.

Очень хотелось попросить Кирилла остаться, но я промолчала. Не буду показывать, что мне страшно. Честно говоря, я и сама не была уверена, что мне страшно настолько, чтобы просить у кого-то защиты. Пока я не понимала, чего именно нам стоит опасаться и стоит ли

вообще. Ведь у местных было полгода на то, чтобы разворовать дом, пока он пустовал, неужели же они специально ждали, пока приедут наследники? Глупо. А значит, неправдоподобно.

Моей комнатой мы занялись уже после того, как вернулась Вера. К тому моменту совсем стемнело, и Юльке пришлось покинуть сад. Вера, как и Кирилл, твердо стояла на том, что нам не стоит выходить из дома после заката. Почему это опасно нам и неопасно им, они не пояснили, ловко уходя от ответа. Либо же я слишком устала, чтобы настаивать.

Вера забрала Юльку на кухню, себе в помощницы, а мы с Кириллом поднялись наверх. В целом второй этаж выглядел более нежилым, чем первый, одна только спальня Агаты и казалась обитаемой.

– Почему Агата спала на втором этаже, если все остальное время проводила на первом? – задала я очевидный вопрос, но Кирилл отвечать на него не спешил.

– Там нет подходящей комнаты, – наконец соврал он.

– Ее можно было оборудовать, как Юльке. Это как-то связано с тем, что по ночам в окна кто-то заглядывает?

От меня не укрылось, как дернулся Кирилл, и я поняла, что попала в цель. Неприятное чувство снова вернулось в район солнечного сплетения, но я старательно гнала от себя дурные мысли. Ну что нам может угрожать в запертом доме? А в том, что двери и замки здесь крепкие, я уже успела убедиться.

Комнату Агаты мы почти не тронули. В ней было не так много вещей: кровать, шкаф, стол у окна с большим удобным креслом, а также регулярно проводилась влажная уборка, поэтому она меня вполне устроила. Я только притащила найденное в соседней комнате большое зеркало на подставке, очень уж оно мне понравилось.

Уже выходя из спальни, я обернулась и вдруг покачнулась: пол и потолок словно растворились, перед глазами опустили мутную пелену, через которую я видела эту же комнату, но залитую ярким солнечным светом. У окна стояла высокая молодая женщина в длинном, до самого пола, платье. Она смотрела на улицу, придерживая одной рукой штору.

«Агния» – мелькнуло у меня в голове. Не знаю, откуда я взяла это имя, за всю жизнь у меня не было знакомых с таким именем. Откуда вообще это странное видение?

Я тряхнула головой, возвращаясь в реальность. Это усталость или свежий лесной воздух на меня так действует?

Кирилл ничего не заметил, он уже открыл дверь в комнату рядом со спальней, демонстрируя небольшую ванную. Она, как и спальня Агаты, находилась в жилом состоянии, но очень скоро я убедилась, что пользоваться ею не смогу: из крана текла только тоненькая струйка прохладной воды.

– Насос надо поменять, – буркнул Кирилл.

Импровизированный ужин прошел легко и беззаботно благодаря Юльке. Сестрица весело трещала и смеялась, заставляла краснеть Кирилла и вдоволь наслаждалась этим. Я видела, что парень уже почти влюблен, и, если Юлька продолжит в том же роде, через неделю он станет самым преданным ее поклонником. Вера поглядывала на молодых людей с легкой тревогой, как и должна смотреть мать на молодого сына и нравящуюся ему девушку. Подозревала в столичной штучке акулу и боялась, как бы сердце молодого парнишки не оказалось разбито. Я тоже старалась мыслями отдаться льющей над столом беседе, чтобы не думать обо всех странностях этого дня.

В закромах Агаты Вышинской было вдоволь консервированных овощей и салатов,

немного прошлогодней картошки, в погребе оставались кое-какие запасы мяса, а из деревни Вера принесла свежего хлеба и домашнего молока, так что ужин получился богатым и сытным, в настоящем деревенском стиле. И Вера, и Кирилл обещали навеститься к нам завтра, помочь с обустройством, а если мы пожелаем, то они продолжат работать, как работали у Агаты. И в словах этих я увидела не только желание помочь нам, но и затаенный страх остаться без средств. Мне нужна была их помощь, поэтому я заверила, что буду рада видеть обоих.

Жуковские ушли, когда из-за деревьев показался тонкий серп луны и рассыпались по темному полотну холодные звезды, но перед этим помогли принести из одной комнаты флигеля узкую железную кровать для Юльки, а Вера показала, где найти запасы постельного белья. Оно было старое, когда-то белоснежное, но посеревшее от времени, тем не менее чистое и даже выглаженное. Простыня хрустела под моими пальцами, когда я расстилала ее на матрас, выдавая, что оно еще иakraхмаленное. От постельного остро пахло не химической отдушкой, а каким-то травами, но запах был скорее приятный.

Еще одну ванную комнату мы обнаружили на первом этаже, но душ Юлька принимать не стала. С ним еще предстояло разобраться, а мы пробыли в дороге не так долго, чтобы в нем стояла острая необходимость. Я помогла сестре переодеться в ночную сорочку и уложила в кровать.

– Настоящее приключение, да? – широко улыбнулась Юлька, когда я поправляла ей одеяло. В доме было прохладно, а в нежилой комнате почти холодно, мне не хотелось, чтобы она замерзла. Юлька легко простужалась, а в компетентности местного фельдшера я еще не успела удостовериться.

– И не говори, – ответила я. – Но представь, как здесь будет здорово, если сделать ремонт.

Юлька посмотрела на меня внимательно, словно спрашивая, действительно ли я собираюсь слить все деньги в это богом забытое местечко, о котором мы и сами ничего не знали еще неделю назад. У меня пока не было ответа на этот невысказанный вопрос.

– Открой шторы, – попросила Юлька, когда я уже уходила.

Я на мгновение замешкалась, вспоминая слова Кирилла.

– Может, не будем трогать? – неуверенно предложила я. – Там столько пыли! Снять мы их не смогли, там какая-то хитрая система, Кирилл обещал завтра все сделать, а пока оставили, как есть. Но лучше не трогать лишний раз.

Я говорила и говорила, как всегда много, когда приходилось врать, но не рассказывать же Юльке, что кто-то может заглядывать в окна среди ночи. Будь кровать немного шире, я бы и вовсе осталась ночевать с ней, но вдвоем с Кириллом мы и эту с трудом притащили, с другой просто не справились бы.

– Я бы хотела увидеть рассвет, – просящим тоном сказала Юлька. – Наверняка проснусь рано, ты же знаешь, в новых местах мне не спится.

Это я знала. Юльке редко доводилось ночевать где-то, кроме просторной родительской квартиры и дорогой клиники, где ее периодически лечили, она не имела такого богатого опыта, как я, поэтому всегда спала плохо в незнакомых местах. Немного подумав, я все-таки открыла шторы. Кирилл ведь говорил, что на улицу нельзя выходить от заката до рассвета, значит, после рассвета опасаться нечего. Ночи здесь наверняка такие темные, что Юлька ничего не разглядит с той стороны. А если совсем честно, я не понимала, о какой именно опасности говорил Кирилл. Ведь уже думала о том, что местные при желании разграбили бы

дом еще до нашего приезда, о смерти Агаты они узнали намного раньше нас.

Кстати, почему Кирилл назвал Агату Хранительницей? Что именно она тут охраняла? Уж не несметные ли сокровища рода Вышинских? Может быть, бабушка во Франции покажется мне практически бездомной, когда я узнаю, какие богатства хранятся в стенах этого дома.

Развеселившись от таких мыслей, я пожелала Юльке спокойной ночи и вышла в гостиную. Время уже приближалось к полуночи, встали мы довольно рано, но новые впечатления будоражили кровь, гнали ее по венам, сбивали мысли в кучу и будили здоровый интерес. Я решила осмотреться получше, ведь вечером у меня не было такой возможности, мы были слишком заняты приготовлением Юлькиной спальни.

Главный дом оказался большим. По правую сторону от гостиной располагались просторная столовая, кухня, а также несколько кладовых помещений. Очевидно, для продуктов, уборочного инвентаря, прачечной и прочего. В лучшие времена в доме наверняка жила большая семья, постоянно гостили друзья и родственники, для такого количества людей хранилось много продуктов и бытовой химии, чем бы ни пользовались в те времена. Длинный коридор, куда выходили двери всех этих помещений, заканчивался еще одной дверью, теперь накрепко запертой. Я догадалась, что за ней находится правый, бледно-зеленый флигель. Открыть дверь не получилось, поэтому его обследование я оставила на завтра. Да и вовсе ходить в темноте по незнакомым заброшенным помещениям – не лучшая затея. Дом был электрифицирован, в гостиной я оставила гореть несколько бра, но почти не сомневалась в том, что во флигеле света не было. Зачем он там, где им не пользуются?

По левую сторону гостиной располагался кабинет, который теперь занимала Юлька, а также большая ванная комната и библиотека. Первое помещение мы уже бегло осматривали, в нем стояла огромная ванна на изящных ножках, туалетный столик и зеркало. Свет здесь был неярким, и, поймав свое отражение в полутьме, я непроизвольно поежилась. Было в этом что-то мистически пугающее, поэтому я поторопилась выйти в коридор.

Осмотреть библиотеку мне и вовсе не удалось. Похоже, ни Агата, ни ее помощники не заходили сюда много лет, пыли тут было столько, что я начала чихать, едва только переступила порог, а потому решила отложить осмотр на потом. Когда приобрету респиратор, очевидно.

Дверь в голубой флигель в этом коридоре оказалась открыта, ведь именно через нее мы завозили Юльку в дом. Я протянула руку к резной ручке, но остановилась. Мне показалось, что позади скрипнула половица, словно кто-то наступил на нее, но замер, поняв, что я слышала скрип. Стало неудобно и – впервые – по-настоящему страшно. Даже непонятное видение наверху меня так не пугало, ведь то была игра моего воображения, а скрип за спиной принадлежал внешнему миру. Кирилл говорил, что мы остаемся в доме одни. Перед уходом проверил все выходы, стоял на пороге, пока не услышал, как я заперла за ним. Юлька встать не могла. Кто стоит за моей спиной?

Медленно, очень медленно я обернулась. Сзади никого не было. Я шумно выдохнула, ругая себя последними словами. Испугалась, как дурочка! Дом старый, ему, поди, лет двести! Само собой, тут постоянно что-то скрипит. Пора начинать привыкать к этому, если я собираюсь остаться здесь на некоторое время.

Исследовать флигель мне перехотелось. Если уж тут что-то скрипит и пугает, там я вообще в обморок хлопнусь, позор моим сединам. Лучше вернуться в гостиную, я ведь еще не осматривала портреты.

Я повернулась к двери во флигель, чтобы убедиться, что не успела приоткрыть ее, и подпрыгнула от испуга. Дверь не просто была приоткрыта, она была полностью распахнута, обнажая темный коридор за собой. Я даже не услышала, как дверь раскрылась, а ведь точно помню, как сильно она скрипела вечером, когда ее открывал Кирилл! Он еще пробормотал что-то вроде того, что завтра смажет ее, ведь так или иначе нам придется ею пользоваться, на порог Юльке не подняться.

Порывшись в карманах, я выудила мобильный телефон и включила фонарик. На всякий случай щелкнула и выключателем, но свет в коридоре не зажегся: как я и предполагала, во флигелях электричества не было. Аккуратно заглядывая в каждую комнату, я медленно двинулась вперед, начисто забыв о том, что собиралась осмотреть портреты в гостиной.

Комнаты здесь были совсем заброшенными, выглядели гораздо хуже, чем в основном здании, даже угадать их предназначение не представлялось возможным. В них не осталось ни мебели, ни даже обоев на стенах. Очевидно, ими не пользовались уже много-много лет, даже не заходили сюда, не убирались и не проветривали. В каждой стоял спертый запах старины и забвения. Ни жизни, ни воспоминаний.

Я уже собиралась возвращаться, когда за очередной дверью моим глазам внезапно предстала не комната, а лестница вниз. Здесь есть подвал? Вообще, конечно, логично, что есть, в старых замках, к коим я уже почти готова была отнести этот дом, всегда есть подвалы. Не обязательно с мертвецами, но те же продукты хранить где-то надо. В маленькую кладовку возле кухни много не поместится. Наверняка бывшие хозяева увлекались охотой, а вместо холодильников пользовались погребами и подвалами. И потом, надо же где-то прятать сокровища!

Нога уже ступила на первую ступеньку, когда я вслух спросила у себя:

– Ты всерьез собираешься спуститься в подвал незнакомого дома? Именно с этого и начинаются все беды у героинь ужастиков!

Правда, я терпеть не могу ужастики, не верю в призраков и неупокоенных духов, так что едва ли мне там что-то угрожает. Как говорит моя тетя Аня, бояться надо живых, а не мертвых. А если там и были какие-то живые маньяки, то давно умерли. Перехватив телефон крепче, чтобы нечаянно не оступиться и не выронить его, я уже собралась было спуститься, в последний момент на всякий случай щелкнула выключателем. Щелкнула, ничего не ожидая, но внизу загорелся свет. Тусклый, почти не разгоняющий темноту здесь, наверху, но хорошо освещающий помещение внизу.

Почему в коридоре и комнатах света нет, а в подвале есть?

Только теперь я заметила, что лестницей пользовались. Не много лет назад, а совсем недавно. Стены здесь были темными и обшарпанными, но под ногами не перекатывались клубы пыли, ступеньки казались отполированными сотнями тысяч шагов. Уж не бабка ли Агата постоянно спускалась в подвал? Или Вера? Кирилл?

Любопытство было таким сильным, что я не могла ждать. Оно дышало мне в затылок, подталкивало в спину, и я поддалась ему. Все еще не выключая фонарь в телефоне, медленно спустилась вниз. Едва только моя нога коснулась пола, это случилось снова: мир на мгновение подернулся белесой пеленой, и через нее я увидела собственную руку, украшенную перстнями, которых у меня не было, держащуюся за перила, и услышала голос, который почему-то исходил из моего рта:

– Агния?

Мир снова кувыркнулся, пелена спала. Я опять была собой, стояла у подножия

лестницы, а передо мной раскинулся темный подвал с низким потолком. Мрачный и безлюдный.

Снова эта Агния! Кто такая Агния? Откуда это имя у меня в голове?

Захотелось вернуться наверх, выбежать на улицу, вдохнуть свежий воздух, который выгнал бы из моей головы глупые приступы. Но я осталась. На воздух мне все равно нельзя, и я даже не знаю, почему.

Помещение подвала оказалось не таким уж большим. Комната метров тридцать квадратных, с низким потолком, которого я едва не касалась головой, а росту во мне было чуть меньше метра семидесяти. Если сюда постоянно ходил Кирилл, то ему приходилось сильно сутулиться.

Комната не была пустой. Вдоль стен стояли стеллажи, достающие до самого потолка, на полках лежало что-то, завернутое в бумагу, стояли коробки и даже книги. Я осторожно взяла в руки одну. Книга выглядела очень старой, переплетенной в кожу, надеюсь, что какого-то животного, а не человека. Надписи на обложке не было, а листать ее на весу было проблематично: весила она килограмма три, не меньше. Быстро оглядевшись, я увидела посреди комнаты стол, заваленный сухоцветами. Разгребла на нем немного места, положила книгу и осторожно открыла. На титульном листе было написано что-то вроде «Обитатели болот. Составлял Андрей Милевский». Что-то вроде, потому что буквы были латинскими, но совершенно точно не английскими. По крайней мере, я не помню в английском алфавите букв *ń* или *ł*, а тут они были. Язык напоминал белорусский или польский, но если деда Кастуся я хорошо понимала, то тут продраться через текст не смогла, знаний не хватило. Я вернулась к стеллажам, рассмотрела другие книги. Все они были такими же старыми, написанные таким же алфавитом. Значит, Агата была весьма образованной дамой. Я так и предполагала, теперь только убедилась. Сюда ходили не Кирилл и не Вера, а Агата. Но что она делала в этой комнате? Чем занималась?

Решив расспросить завтра Жуковских, я вернула книгу на место и взяла телефон. Несмотря на то, что теперь я была хозяйкой всего этого, мне все равно было неловко копаться здесь. Неловко и немного жутко. Почему надо было оборудовать эту комнату в подвале? Лестница крутая, старушке наверняка было тяжело сюда спускаться. Она могла занять любое помещение в огромном доме, зачем пряталась в подвале? От кого? Почему?

На ум приходила только одна мысль: потому что здесь не было окон.

Между стеллажами я разглядела дверь. Не увидела сразу, потому что она была такого же цвета, как и стены, сливалась с ними, становилась почти невидимой. К моему удивлению, оказалась она железной, а не деревянной. И крепко запертой. Я подергала ручку, пнула плечом, но не сдвинула ни на миллиметр. Было похоже, что хотя подвалом и пользовались, но дверь не открывали много-много лет. Куда она может вести, у меня не было ни единого предположения, но если до этого момента я еще как-то могла справляться со страхом, то теперь окончательно перед ним капитулировала.

По лестнице я почти бежала. Вот вроде и не веришь ни в каких призраков, а, оказавшись в темном подвале, пахнущем сушеными травами и забитом книгами на непонятном языке, все равно чувствуешь ужас.

Вернувшись в гостиную, я включила еще несколько бра. Свет разогнал по углам тени и страхи, даже дышать стало легче. Хотелось открыть окна, впустить в прохладное помещение немного теплой майской ночи, звуков спящей весны, ароматов свежих, а не сушеных трав. Я уже почти решила на это, взялась за ручку больших стеклянных дверей, выходящих на

террасу, но передумала в последний момент. Маньяки маньяками, сумасшедшие местные сумасшедшими местными, но вот дикие звери в лесу водиться точно могут. И что я стану делать, если к нам заглянет привлеченный ароматом еды медведь или тот же волк, о котором упоминал дед Кастусь? Давайте будем честными: я умру от сердечного приступа, если вдруг увижу и прыгающего по гостинной зайца в три часа ночи.

Опустив руку, я прислонилась лбом к прохладному стеклу и уставилась в темноту за окном. От света гостиной меня отделяли плотные шторы, от незнакомой улицы – тонкое стекло. Я словно застряла между мирами, и это ощущение вызывало странную тоску. Словно бы я и не там, и не там, а где – непонятно. Кто – непонятно. Казалось, что там, за стеклом, что-то происходит, а я не вижу. Это не пугало, а вызывало необычную грусть. Я смотрела в темноту и уже начинала различать тени, слышать шепот. Кто-то оттуда смотрел на меня, что-то говорил, но не мне, а кому-то другому. Они обсуждали меня. Говорили между собой, а смотрели на меня.

Я тряхнула головой, вдруг осознав, что задремала. Вот прямо так, стоя за шгорой, прислонившись лбом к стеклу, и задремала. Нет там ничего, с той стороны. Никто на меня не смотрит. Это просто мое подсознание вытащило на поверхность те чувства, в которых я варила последние полгода, от которых сбежала в эти болота. Вытащило и встретило в реальность.

Выйдя из-за штор, я первым делом направилась на кухню. Надо бы прикупить пару бутылок вина для таких вот вечеров, когда мне придется оставаться наедине с собой. Пока же пришлось обойтись кружкой холодного кваса, оставшегося у нас с дороги. Предпочла бы чай, но не смогла найти спички. Точно помнила, что были, ведь Вера готовила ужин, а плита здесь стояла газовая, но не нашла. Может быть, сестра куда-то положила, может, Вера унесла с собой.

Вернувшись в гостиную, я подошла к портретам. Их было не так и много, как мне показалось вначале, но все выглядели очень старыми. Здесь были молодые мужчины в костюмах охотников, один даже стоял рядом с убитым медведем. Пожилые дамы с замысловатыми прическами, смотревшие на меня с некоторой долей презрения, будто говорили, что я не достойна быть продолжательницей рода Вышинских. Юные прелестные девушки с цветами у груди и задорными улыбками на лицах. Все они были рыжими, а значит, мастью мы с Юлькой пошли в Вышинских. Особенно меня привлекли два портрета, висевшие рядом. На них были изображены удивительно похожие друг на друга девушки, только если одна была настоящей красавицей с белой кожей, яркими волосами и горящими глазами, то вторая походила на ее тень. Вроде бы черты лица такие же, прическа такая же, даже платье схожее, а все равно она словно бледнее, незаметнее. Будто все яркие краски художник потратил на первую девушку, а вторую рисовал тем, что осталось.

Закончив с портретами, я расположилась на диване у камина, снова пожалев о ненайденных спичках. Внутри камина лежали дрова, было бы здорово сейчас зажечь их. С другой стороны, я не уверена в его исправности, нужно сначала уточнить этот момент у Кирилла. Сжечь дом в первые же сутки обладания им – так себе идея.

Сон сморил меня внезапно, я едва успела поставить стакан с остатками кваса на пол и, свернувшись калачиком, лечь поудобнее, как уже чувствовала, что лечу в какое-то сновидение. Куда именно я попала и что собирается подбросить мне подсознание, я не запомнила. Сон прервал громкий крик, и я сначала вскочила, а потом уже начала просыпаться.

Мозг мгновенно вспомнил, где я нахожусь, будто все это время дремал настороженно, не позволяя мне забыться окончательно. Оценил ситуацию: я в гостиной одна, шторы не колышутся от ветра, значит, окна закрыты. Бра погашены, хотя я их не выключала, но в комнате светло от потрескивающего в камине огня, который я не зажигала. Не могла этого сделать и Юлька, я бы услышала ее. Если уж я спала так неглубоко, определенно услышала бы. Тогда кто это сделал?

Впрочем, не это сейчас важно. Кто-то кричал, и я должна была убедиться, что с сестрой все в порядке. Машинально схватила валяющийся на полу возле дивана телефон и бегом бросилась в ее комнату.

Там уже горела лампа, которую я лично поставила на пол возле кровати, а Юлька сидела на постели, прижимая к груди одеяло, и тряслась, как листок на промозглом осеннем ветру.

– Что случилось? – спросила я, подбегая к ней. Вроде бы цела, только напугана ужасно. И без того бледная кожа теперь совсем белая, каждая веснушка видна, глаза расширены, в них плещется настоящий ужас.

– Там кто-то есть, – Юлька указала на большое окно, которое мы так легкомысленно оставили незанавешенным. Хорошо хоть открыть не смогли. А ведь Кирилл предупреждал.

Я подошла к окну, прижалась к нему лицом, закрывшись по бокам ладонями, но ничего не увидела. На улице стояла такая же темнота, как часом ранее, когда я смотрела в другое окно. Мне снова чудились тени и шепот, но теперь я уже не была уверена, игра ли это моего воображения или кто-то на самом деле бродит под нашими стенами.

– Никого нет, – твердо сказала я. – Может, тебе приснилось?

– Нет, – Юлька замотала головой, отчего рыжие локоны взметнулись вверх ярким пламенем, ударили ее по щекам. – Я проснулась раньше. Ты ходила за дверь, я услышала шаги и проснулась. Села, хотела позвать тебя, нечаянно в окно взглянула, а там... оно.

Я не стала говорить сестре, что не ходила по гостиной, а мирно спала на диване, не мои шаги она слышала. Незачем пугать ее сильнее. Хватит и того, что я сама знаю: в доме, кроме нас, кто-то есть. Кто-то погасил бра и зажег камин. Кто-то ходил мимо дивана, где я спала, а я даже не слышала. Пусть Юлька пока ничего не знает.

– Оно? – переспросила я, возвращаясь мыслями к окну. – Почему оно?

– Потому что это не мужчина и не женщина. Роба вытянутая какая-то, зеленая, волосы растрепанные, будто их не расчесывали никогда. Рот раскрыт, страшный такой, и глаза как у жабы.

Описание походило на фильм ужасов. Чего только не придумает богатое девичье воображение! Пожалуй, завтра же стоит принести в эту комнату вторую кровать и спать нам вместе. Юльке с такой фантазией в старом доме будет слишком страшно.

– Глупенькая, – я села возле нее и погладила по огненным волосам. – Тут стекла старые, кривые, вот и искажают изображение. Наверное, к тебе заглядывал просто кто-то из местных. Деревенские люди любопытные, мы для них как диковинки. А может, тут еще и сумасшедший есть, Кирилл предупреждал окна не открывать. Думаю, подозревал, чем кончится дело. Ложись, я буду рядом.

Юлька послушно легла, подложив ладони под щеку. Я укрыла ее одеялом по самую шею, подошла к окну, чтобы задернуть шторы, но остановилась, снова вглядываясь в темноту. Там кто-то был, определенно. И мне стоит озаботиться забором прежде, чем делать ремонт в доме.

Задернув шторы, я не стала возвращаться в гостиную. Аккуратно легла рядом с Юлькой,

обняла ее одной рукой. Кровать узкая, но если не шевелиться, то никто не свалится.

Спустя две минуты Юлька уже размеренно сопела, а я никак не могла уснуть. Пусть сквозь задернутые шторы теперь не видно улицы и того, кто бродит снаружи, но я отчетливо слышала шепот. Этого не могло быть, в доме толстые стены, но я точно различала чужие голоса.

Утром, еще до того, как выпить чашку кофе и умыться, я вышла на улицу, чтобы найти следы ночного гостя, напугавшего ночью Юльку. Под ее окном была разбита клумба, наверняка когда-то утопавшая в розах, но теперь на ней росли лишь два чахлых кустика с еще не распускившимися бутонами. Кустики эти недавно поливали, может быть, даже вчера перед нашим приездом, поскольку земля была влажной. И на ней четко отпечатались следы босых ног. Маленьких ног, девичьих или даже детских. Размера тридцать третьего, едва ли больше. Следов было много, будто не один человек здесь топтался, а два или даже три. Но кто это мог быть? Деревенские дети? Неужели местная детвора рискнула заглянуть к нам ночью, да еще и пройти мимо кладбища?

Мои размышления были прерваны появлением Веры и Кирилла.

– Эмилия? Что вы там делаете? – поинтересовалась Вера, увидев меня в розовых кустах.

– Кто-то ночью заглядывал к нам в окна, – честно призналась я.

Вера строго взглянула на сына, и прежде, чем тот что-то сказал, я уже поняла смысл ее взгляда.

– Я предупреждал, – виновато развел руками Кирилл.

– Кто это был? – я подошла ближе, внимательно вглядываясь в их лица.

Мать и сын снова переглянулись, а затем Вера легонько подтолкнула Кирилла к дому.

– Отнеси сумки на кухню.

Только сейчас я увидела, что в руках Кирилл держит два объемных пакета, из которых торчат пучки зеленого лука и ботва редиски. Надо будет обязательно отдать за овощи деньги, едва ли у Веры их так много, чтобы кормить двух взрослых девиц даром. Но сейчас меня интересовала не редиска, а таинственные следы, и я намеревалась выяснить, что все это значит. Вера знает, я видела это по ее глазам. Да и Кирилла она отправила в дом не просто так.

– Вера? – позвала ее я, когда Кирилл уже поднялся на порог, а женщина не торопилась начать разговор.

После моего оклика она повернулась ко мне, и во взгляде ее я разглядела нечто необычное: мягкая до этого женщина, смотревшая на меня с почти материнской теплотой, вдруг стала серьезной, даже строгой, будто я была провинившейся школьницей, а она – моей учительницей.

– Пожалуйста, Эмилия, отнеситесь серьезно к тому, что говорим вам я и мой сын, – начала она. – Если мы просим не открывать окна и не выходить на улицу, не делайте этого сами и запрещайте сестре.

– Это опасно? – уточнила я. Детские следы под окном удивляли, но не особо пугали, честно говоря.

– Пока – да.

– Пока?

Вера с сожалением покачала головой.

– Я не могу вам всего рассказать. Очень жаль, что вы не застали Агату, уж не знаю, почему так вышло. Я помогу, чем смогу, но пока рано. Просто знайте: место, где находится ваша усадьба, очень необычное. И не зря Вышинские так тщательно охраняли все сведения о своей семье. Поверьте, у них было много денег и влияния, они могли бы стать одним из

известнейших шляхетских родов как минимум в наших краях, если не во всей Беларуси, но не хотели этого.

Мне стало неудобно. По спине пробежал холодок, хотя утреннее солнце уже нагревало воздух и обещало очередной теплый день.

– Я нашла комнату в подвале, – сказала я. – С книгами и травами. Это комната Агаты?

Вера кивнула.

– Почему Агата оборудовала ее в подвале, почему не выбрала любое из десятка пустующих помещений в доме или во флигелях? Почему ее спальня была на втором этаже? Ведь она была уже пожилой женщиной, зачем ей эти лестницы?

– Вы задаете очень правильные вопросы, Эмилия, – внезапно похвалила Вера. – Именно это и позволит вам разобраться во всем, что здесь происходит.

– Вы обещали помочь, – напомнила я.

– И помогу. А сейчас пойдете завтракать. Скоро должен приехать адвокат, вам лучше подготовиться к его визиту.

Я только сейчас поняла, что стою перед ней в пижаме. Весьма целомудренной, но пижаме. Неумытая, непричесанная, с нечищеными зубами. Она права, нужно привести себя в порядок, прежде чем встречаться с адвокатом.

Адвокат был точен, как швейцарские часы, и появился на пороге нашего дома ровно в десять утра. К тому моменту я успела умыться, переодеться, позавтракать и отправить Юльку в сад. Сестра с самого утра выглядела немного бледноватой, сказывался ночной стресс, поэтому мне хотелось, чтобы она подышала воздухом и, может, немного посмущала Кирилла, вызвавшегося составить ей компанию. Вера к тому времени ушла в деревню, сославшись на какие-то дела, но обещала прийти к обеду, чтобы приготовить нам его. Мне было неловко от того, что она взяла все заботы о нас на себя, но пока у меня было слишком много дел, чтобы заниматься еще и обедом, а Юльке стоит обеспечить полноценное питание. Кроме того, я собиралась щедро платить за работу, что наверняка устроит и меня, и Веру.

Роберта Брынзу, адвоката Вышинских, я не видела вживую, лишь переписывалась с ним по электронной почте. Помню, увидев подпись к первому письму, сообщавшему мне о внезапном наследстве, я рассмеялась. Мало того что адвокат имел «сырную» фамилию, так был еще и почти полным тезкой известного английского писателя. Теперь же я могла видеть господина Брынзу наяву, и впечатление внешним видом он производил еще более интересное, чем фамилией. Это был невысокого роста, заметно ниже меня, плотно сбитый человек. Несмотря на теплое майское утро, на нем был длинный темно-коричневый плащ и такого же цвета широкополая шляпа. Честное слово, больше всего адвокат напоминал героя мультфильма «Следствие ведут Колобки». Прямо удивительно, как для одного человека можно было найти столько странных ассоциаций: и сыр, и писатель, и Колобки...

Услышав шум за спиной, адвокат обернулся ко мне, и в этот момент на долю секунды мне показалось, что за ним взметнулся в воздухе тонкий хвост с кисточкой на конце. Мамочки мои, пора попросить у местного фельдшера успокоительных капель! И это мы всего второй день тут.

Спускаясь по лестнице из своей комнаты, где как раз разбирала чемодан, когда Кирилл сообщил о визите адвоката, я изо всех сил вглядывалась в него, но ничего необычного больше не заметила. Он же улыбался мне радостно, как старой знакомой.

– Эмилия Аркадьевна! – развел он руки в стороны, будто собирался заключить меня в объятия, но вместо этого в последний момент протянул ладонь для рукопожатия. Рука у него

оказалась горячей, будто сковородка из печи. Должно быть, в таком одеянии ему ужасно жарко, чего ради терпит, спрашивается?

– Добрый день, Роберт... простите, не знаю вашего отчества, – ответила я.

– Зовите меня паном Брынзой, – махнул он рукой.

Странное обращение. Обычно люди представляются по имени-отчеству, если же по фамилии, то добавляют к ней «господин», но не «пан». Я не слышала, чтобы местные так обращались друг к другу, да и мне все представлялись не так. Впрочем, какая разница? Пан Брынза так пан Брынза.

Никакого кабинета в этом доме я себе пока не оборудовала, поэтому могла предложить адвокату только кресла в гостиной. Кирилл принес нам две чашки чаю и снова тактично скрылся в саду.

– Вижу, молодые люди подружились, – заметил пан Брынза, через стеклянные двери глядя на то, как по разбитой дорожке Кирилл катит коляску с Юлькой.

– Моя сестра любит смущать парней, – пожалала плечами я.

– Это похвально. Приятно видеть, что инвалидное кресло не делает красивых девушек угрюмыми и нелюдимыми. Что с Юлией? Авария?

Я качнула головой.

– Врожденная аномалия нижних конечностей, – процитировала выписку из ее диагноза. – Было уже много операций, но увы, прогнозы не слишком благоприятные. Скорее всего, она никогда не сможет ходить. Вернуть кости в нормальное положение сложно, мышцы без нужной нагрузки не развились, как полагается.

Пан Брынза кивнул, явно теряя к Юльке интерес. Она и Кирилл отъехали уже на достаточное расстояние и совершенно точно не могли нас услышать. Он поднял с пола свой портфель, поставил его на колени и вытащил большую кипу бумаг.

– Я привез документы вам на подпись. – Адвокат положил бумаги на стол и внимательно уставился на меня, будто гадал, подпишу я их или откажусь от наследства. – Полгода со смерти вашей родственницы вот-вот пройдут, вы должны вступить в права наследования. Если согласны, конечно, если дом и усадьба пришлись вам по вкусу.

Вместо ответа я взяла в руки бумаги, пролистала их. Сначала ничего не показалось мне необычным, стандартные нотариальные документы, но, когда я дошла до последнего листа, остановилась. Очень уж сильно он выбивался из общей массы: был написан тем же самым странным алфавитом, который я видела в книгах в подвале.

– Что это? – Я вытащила лист и показала адвокату.

Тот взглянул на него мельком и улыбнулся.

– Это дополнительный договор, составленный Агатой Вышинской. Как бы в дополнение к основному.

– Что это за язык?

– Беларусский.

Я недоверчиво покосилась на пана Брынзу. Не надо считать меня совсем уж дурой. Я, как выяснилось, беларусский даже понимаю хорошо, прочитать тем более смогу. И кириллицу от латиницы с легкостью отличу.

Адвокат прочитал мои мысли, что было совсем не сложно: они огромными буквами были написаны у меня на лице.

– Это беларусская латинка, – с усмешкой пояснил он. – Сейчас практически не используется, но Агата Олеговна признавала лишь ее. Слова абсолютно те же, выучив буквы,

вы сможете в этом убедиться.

Я опустила взгляд на бумагу. Текста здесь было не очень много, и, если сильно напрячься, я могла его прочитать. Некоторых букв не знала, но интуитивно догадывалась и подставляла нужное. Однако такая напряженная мозговая деятельность не позволяла сложить воедино все написанное, оно ускользало, как рассветный сон.

– О чем здесь говорится? Почему Агата составила этот дополнительный договор?

– Потому что на самом деле он не имеет юридической силы, – пояснил адвокат. – Это просто желание Агаты Олеговны. Тут говорится, что вы, вступив в наследство и заняв ее место, должны с уважением относиться к жителям Востровки, окружающей природе: лесам, болотам и тем, кто там обитает. Вы берете на себя обязательства по защите и сохранению текущего баланса, принимаете роль Агаты Олеговны, так сказать. Как настоящая Вышинская.

Честно говоря, содержание этого дополнительного договора казалось мне максимально странным. Зачем Агате было указывать это отдельно? Адвокат снова понял мои мысли. Что, вероятно, снова было несложно. Так подумал бы любой здравомыслящий человек.

– Понимаете, Эмилия Аркадьевна, когда-то Вышинские принадлежали к шляхетскому роду. Они владели не только этим домом и усадьбой, но и всеми окрестными деревнями, лесами и полями. С приходом сюда советской власти в 1939 году все, конечно, изменилось. Но жители Востровки по-прежнему считали вашу семью своими благодетелями, а Агата Олеговна, как представительница рода, защищала их и помогала. Можно отобрать у человека все, но нельзя забрать у него благородство.

– Почему не забрали усадьбу? – уточнила я. Этот вопрос волновал меня с тех пор, как я впервые увидела дом.

Пан Брынза пожал плечами.

– Этого мне точно не известно. Но Агата Олеговна умела уговаривать и добиваться своего. Она была уверенной в себе женщиной, а ее семья имела богатства, которые не смогли национализировать. Возможно, она смогла договориться с нужными людьми.

– Расскажите мне о ней, – попросила я. – Я никогда раньше о ней не слышала, ничего не нашла в Интернете и не совсем понимаю степень нашего родства, если честно.

А если совсем честно, о своих предках я знала немного. Бабушка по отцу умерла, когда я еще не ходила в школу, дедушку я и вовсе не застала, он погиб молодым. Прадеда немного помню, но он жил в обычном деревенском доме, не был богат, и я даже не подозревала, что когда-то мои предки принадлежали к шляхетскому роду. Родители-египтологи часто рассказывали нам с Юлькой об известных египетских династиях, но никогда не упоминали, что и у нас не самые простые корни, мы не потомки крепостных крестьян.

– Ваш прапрадед Дмитрий и отец Агаты Олеговны были родными братьями. То есть она вам получается двоюродной прабабушкой, – пояснил адвокат.

Я прикрыла глаза, пытаюсь нарисовать в голове генеалогическое древо и разобраться в степени нашего родства. Прадеда, сына Дмитрия, получается, я немного помнила. Мне было два или три, когда он умер. Помню, как мы приезжали к нему в гости и он угощал меня пахнущими табаком конфетами, и на этом все. Жил он под Минском, недалеко от бабушки, у которой я проводила лето, к этой усадьбе отношения не имел. Очевидно, по наследству она досталась его брату, тому самому отцу Агаты.

– У Агаты не было братьев и сестер? – уточнила я.

– Ни братьев и сестер, ни мужа и детей, – подтвердил пан Брынза. – Ее ветвь заглохла, поэтому наследство и получили вы, Эмилия Аркадьевна.

Что ж, теперь понятно, каким образом на меня свалилась эта усадьба и почему я никогда не слышала о ее владелице. Не самая близкая родня, прямо скажем. Обычно люди понятия не имеют, кто их двоюродные прабабушки, а те никогда не оставляют им наследство.

– Что вы вообще знаете об этой усадьбе и роде Вышинских? – поинтересовалась я.

– Вышинские всегда старались держаться скромно, – усмехнулся адвокат. – Деньги имели немалые, не Сапегы с Радзивиллами, конечно, но и не голытьба. В политику только никогда не стремились, а потому и не мелькали нигде. Им, насколько я могу судить, нравилось жить здесь, в этой глуши. О самой усадьбе точных данных у меня нет. Сами понимаете, страны, в которой она когда-то была построена, нет уже дважды, документы терялись, погибали в войнах, хотя эту местность удивительным образом обходили и бомбы, и крупные пожары. Предположительно, дом начали строить в конце восемнадцатого века, но, что именно тогда было построено, я не знаю. Флигели, скорее всего, достраивались намного позже. Первым владельцем, о котором я нашел упоминания, был некий Андрей Вышинский. Но больше сведений нет. Ни о его родителях, ни о жене или детях. В 1944 году тут случился потоп, уничтоживший документы. Надо заметить, что наводнения в этих краях – не редкость, реки разливаются каждую весну. Даже сейчас, когда научились строить дамбы, наводнения наносят значительный ущерб, что уж говорить о тех временах. Здесь до сих пор в каждом сарае висят лодки. После потопа делались дубликаты бумаг. Что по архивам, что по словам Агаты Олеговны. Поэтому теперь уже сложно установить настоящие даты и имена. Возможно, когда вы разберете весь дом и заглянете в каждый его закоулок, вы найдете больше, чем я.

Я кивнула. Это утро, и слова Веры, и сведения пана Брынзы пробудили во мне интерес. Не только человеческий, но и писательский, и я намеревалась перевернуть усадьбу вверх дном, но выяснить тайны семьи Вышинских. Своей семьи, как оказалось.

– А вы знаете, кто такая Агния?

– Агния? – переспросил адвокат, и я видела, что это имя он слышит впервые. – Не знаю. Откуда вам о ней известно?

Говорить о странных видениях я не стала. Еще не хватало, чтобы он счел меня сумасшедшей.

– Видела в каких-то бумагах, – уклончиво ответила я и, чтобы перевести тему, вернулась к документам. – То есть по факту, это дополнительное соглашение – просто причуда стареющей женщины?

– Вроде того.

Либо пан Брынза не обладал природным любопытством, либо понял, что развивать тему с Агнией я не хочу. Либо же решил, что мне это не очень-то интересно, спросила, поскольку к слову пришлось. Он вытащил из портфеля ручку и протянул мне.

– Подпишите?

Я взяла ручку и уже приставила ее к бумаге, как вдруг подумала, что совершаю глупость. Я ведь не знаю, что тут написано на самом деле. Я даже не знаю, законно ли вообще составлять какие-то договоры латинкой. Но отыграть назад сейчас почему-то было неловко. Вот поэтому всеми делами с издательствами и продюсерами всегда занимался мой бывший муж, по совместительству сценарист сериалов по моим книгам. Однако муж полгода назад обьелся груш, и теперь мне придется решать вопросы самостоятельно. Отличная возможность начать прямо сейчас.

Чернила внезапно оказались красными. Это было странно и отчего-то пугало. Кто подписывает документы красными чернилами?

Пан Брынза, увидев это, хлопнул себя по лбу.

– Простите, Эмилия Аркадьевна, не ту ручку достал. Вот.

Он протянул мне другую. Ошибиться, конечно, можно было, обе ручки казались совершенно одинаковыми, но откуда вообще в портфеле юриста красная ручка?

Остальные бумаги я подписала уже стандартными черными чернилами. Адвокат отдал мне мои копии и поднялся с места. От предложения остаться на обед отказался, а я не стала настаивать. Почему-то подписанные красной ручкой документы на латинке настолько выбили меня из колеи, что хотелось как можно быстрее отделаться от пана Брынзы.

Юлька и Кирилл продолжали гулять по саду, кажется, юный садовник показывал моей сестре какие-то сохранившиеся цветы, и я не стала их звать. Пусть еще немного погуляют, мне же было необходимо подняться к себе и немного успокоить расшатавшиеся нервы. Только после того, как за паном Брынзой закрылась дверь, я почувствовала, что вспотела. То ли красные чернила меня так напугали, то ли, глядя на тепло одетого адвоката, мне и самой стало жарко, но захотелось переодеться.

В спальне было тихо и прохладно. Утром я открыла окна, но занавески не шевелились, выдавая отсутствие ветра. С улицы доносился лишь щебет птиц и едва слышное жужжание Юлькиной коляски.

Выбрав легкое голубое платье, я осмотрела содержимое шкафа. Пожалуй, в ближайшее время нам с сестрой стоит наведаться в город или заняться онлайн-шопингом. Наверняка в городе есть пункты самовывоза больших маркетплейсов. Вещей с собой мы взяли немного, а если я хочу раскрыть тайны Вышинских, то нам придется остаться здесь на некоторое время. Перспектива провести лето в лесу, на свежем воздухе, в большом доме, полном загадок, так прельщала меня, что я была готова мириться даже с некоторыми пугающими странностями.

Я повернулась к большому зеркалу, чтобы надеть выбранное платье, и едва не заорала. В зеркале отражалась не только я, но и шкаф за моей спиной, и тот, кто сидел на шкафу. Это был определенно человек, очень старая маленькая женщина, но, поскольку места на шкафу было немного, она сидела скрючившись, и я не могла оценить ее реальные размеры. Видела только морщинистое лицо, маленькие глазки, внимательно следящие за мной, платок на голове и острые уши, торчащие из-под него, как у эльфа.

Оборачиваться было страшно. Страшно, что это не игра моего воображения, что на шкафу на самом деле кто-то есть. И что, как только я повернусь, оно прыгнет на меня, как и бывает в фильмах ужасов. Тем не менее вечно стоять и пялиться в зеркало я не могла, поэтому пришлось обернуться.

На шкафу было пусто. Никаких старушек, только солнечные лучи весело играли на острых концах шкафа. Я снова посмотрела в зеркало, но отражения старушки больше не было и там. Неужели привиделось?

Это не было похоже на те видения, что посещали меня в спальне и подвале. Походило скорее на хвост у пана Брынзы, только хвост я видела мельком, а старушку на шкафу разглядывала долго.

Вера сказала, что это необычное место, но я отказывалась верить, что даже в самых необычных местах у адвокатов вырастают хвосты, а старушки могут забираться на шкаф. А даже если бы и могли, то кто она такая? Куда подевалась, стоило мне обернуться?

Тут же вспомнились погашенные бра и зажженный камин ночью. Я ведь уже тогда

решила, что в доме, кроме нас, кто-то есть.

Быстро переодевшись, я спустилась в сад, нашла Юльку и Кирилла. Не особо церемонясь, спросила о том, кто еще живет в нашем доме. Хотела прямым вопросом не дать Кириллу выкрутиться, но не учла того, что могу напугать сестру. Только когда она испуганно охнула рядом, я поняла, что наделала.

– Просто кто-то ночью зажег камин, – пояснила я, мысленно ища варианты, как выкрутиться.

– Может быть, вы сами? Просто забыли? – подсказал Кирилл.

Меня, конечно, посещают странные видения, но я же не дура! И если бы зажгла камин, то уж точно запомнила бы. Однако пришлось ухватиться за его подсказку и сказать, что наверняка так и было. Просто устала с дороги и забыла, как сама зажгла камин. Юлька поверила, а мне добавилась еще одна загадка в общий список, который рисковал стать весьма обширным.

Следующие несколько дней прошли суматошно, но без странных видений, и я немного успокоилась. Уверила себя, что все это показалось мне от усталости и необычности происходящего. А еще от неумемной фантазии, писатель я или кто? Просто воображение сыграло со мной злую шутку, только и всего.

Если бы я хоть на минуту допускала, что все это может быть по-настоящему, я бы точно увезла отсюда Юльку. Но правда состояла в том, что я не хотела возвращаться в душную, ставшую мне теперь такой ненавистной Москву, к знакомым и друзьям, которые знали все, что произошло в моей жизни, которые обсуждали меня и мой брак и с затаенным предвкушением ждали от меня каких-то действий. А мне ничего не хотелось. Хотелось лениво просыпаться под звуки поющих за окном птиц, потягиваться на слишком мягкой кровати, пить кофе на большой террасе, глядя на заросший сад и представляя, как красиво тут когда-то было. Гулять с Юлькой по разбитым дорожкам, вдыхать воздух, от которого легкие словно бы увеличиваются в размере и кружится голова.

Юлька меня поддерживала. Ей тоже нравилось в усадьбе. Она заметно повеселела, а ведь в Москве в последнее время на нее было страшно смотреть. Вадим, мой муж, не только разрушил наш брак, но и поставил под угрозу мою карьеру, наш с Юлькой главный источник дохода. Родители нас не бросят, конечно, но их почти никогда не бывает дома, да и зарабатывают они не так много, как может показаться, зная их специализацию. Они не ученые с мировыми именами, их не зовут читать лекции в Гарвард. Пока в этом была необходимость, все деньги они тратили на нас, но позже, когда я сама стала прилично зарабатывать, они наконец смогли позволить себе многое из того, чего были лишены всю жизнь.

Юлька повеселела, но меня все равно настораживала ее необычная бледность, однако я списывала это на свежий, непривычный ей воздух.

Поскольку мы решили остаться в усадьбе на все лето, следовало наладить быт: привести в относительный порядок дом, найти, где покупать свежие продукты, запастись тем, что не может испортиться. Не могли же мы сесть на Верину шею. Все чаще мне в голову приходила мысль о полномасштабной реконструкции усадьбы, но пока я не была к этому готова, решила начать с малого: с покупки необходимых вещей.

В тридцати километрах от деревни обнаружился довольно крупный по местным меркам районный город, где можно купить все необходимое. Кроме того, в Степаново ездили разнообразные доставки как продуктов, так и бытовой химии и мебели, моя задача состояла только в том, чтобы договориться с курьерами и ждать их на автобусной остановке или в любом другом примечательном месте.

Вера и Кирилл с радостью согласились работать у нас, как работали у Агаты, и от зарплаты не отказались, а мне всегда казалось, что за деньги люди работают с гораздо большим удовольствием и отдачей, чем на добровольных началах.

Спустя три дня у нас был новенький холодильник, забитый продуктами, новая кровать у Юльки, выстиранные шторы во всех комнатах, которыми мы пользовались, а также новый бойлер для нагрева воды и стиральная машина. С последней, правда, возникли трудности. Водоснабжение дома было старым, и даже новый насос не устранил проблему. Я уже нашла мастера, который обещал вскоре решить вопрос, но пока он не приехал, приходилось во

время стирки все время стоять рядом с машинкой. Это удивительным образом хорошо на нее влияло, потому что стоило только выйти за дверь прачечной, как она тут же переставала набирать воду.

Каждый вечер я теперь валилась с ног, уставшая, как лошадь после забега, засыпала еще до заката, просыпалась с рассветом и чувствовала себя такой счастливой, какой не была уже очень давно. Если кто-то и заглядывал к нам в окна ночами, то теперь нам с Юлькой было не до этого. Мне даже не хотелось ни о чем спрашивать Веру, в глубине души я боялась ее ответов, а она разговор первой не начинала.

Сегодняшний день выдался прохладным. Небо с самого утра хмурилось, привычное тепло исчезло с ночным дождем, дышалось легко и свободно. Юлька рисовала в саду, расположившись у нерабочего фонтана. Кирилл работал здесь же, вычищая по моей просьбе участок сада, примыкающий к стене дома. Мне хотелось максимально восстановить розарий, который я как-то заметила. Я могла оставить Юльку под присмотром его и Веры, занимающейся стиркой в доме, поэтому решила прогуляться по лесу. Вчера, разбирая бумаги в одной из комнат, я нашла рисунок. Очень старый, судя по выцветшим чернилам, сделанный детской рукой. Рисунок этим оказалась карта поместья Вышинских. Я рассмотрела наш дом, несколько хозяйственных построек, второй домик поменьше, обозначенный как «Желтый дом», большую конюшню. И сегодня мне хотелось поискать эти здания или их остатки.

Территория усадьбы заходила далеко в лес, я видела остатки забора, теряющегося между деревьями, еще пару дней назад. Должно быть, когда-то здесь был парк, но Агате давно стало не до него, он зарос, слившись с лесом. И где-то там затерялась старая конюшня. Увидев, что я направляюсь прочь от дома, Кирилл отложил в сторону кусторез и последовал за мной.

– Куда вы, Эмилия? – спросил он, когда Юлька уже не могла нас слышать.

Как выяснилось, я была старше Кирилла на восемь лет, и он почему-то решил, что это достаточное основание держать со мной вежливую дистанцию, хотя с Юлькой они уже перешли на «ты».

– Прогуляюсь по лесу, – ответила я, не останавливаясь. – Как я понимаю, здесь раньше был парк?

Кирилл кивнул.

– Давно, еще до моего рождения. Я это место помню уже таким: заросшим и диким.

– Почему Агата не ухаживала за ним? Насколько я могу судить, все в деревне уважали ее, наверняка нашлись бы помощники.

– Не до того было, – признался Кирилл, шагая рядом со мной. – Агата уже старая была, ей бы свои обязанности исполнять, куда уж тут за парком следить? Помощники нашлись бы, конечно, но за помощниками следить надо. Люди у нас добрые, но чужое стащить, когда лежит плохо, не погнушаются.

Я покосилась на парня. Сейчас он выглядел серьезным как никогда, будто был намного старше своих двадцати двух лет. Юлька была его ровесницей, и такие рассуждения от нее меня не удивили бы, но Юлька выросла в огромном городе, где каждый друг другу если не враг, то соперник. Впрочем, что я знаю о жизни в маленьких деревнях? Может быть, тут действуют такие же правила. Люди добрее и наивнее, но и ресурсов меньше.

– В первый вечер вы сказали мне, что Агата была Хранительницей, – напомнила я. – Хранительницей чего? Что именно она тут охраняла?

– Не могу я вам сказать, – упрямо повторил парень.

– Почему?

Я остановилась, вынуждая остановиться и его. Мы стояли на узкой разбитой дорожке, когда-то выложенной камнем, а теперь поросшей травой и мхом. Деревья здесь были особенно густыми, и не скажешь, что рядом болото. Солнце почти не попадало на этот участок дорожки, поэтому камни быстро пришли в негодность без должного ухода.

На этот раз Кирилл стесняться и тушеваться не стал. Поднял голову, посмотрел мне в глаза.

– Потому что я простой человек, без каких-то талантов, – сказал он. – Отец мой был обычным столяром, и я такой же. Хотите что-то узнать, у мамки моей спросите.

Парень ясно давал понять, что ничего лишнего не скажет, и мне оставалось только смириться. Не пытаться же его раскаленным паяльником.

– Возвращайтесь к Юльке, – наконец решила я. – А я прогуляюсь.

– Будьте осторожны, – попросил Кирилл с видимым облегчением. – Там дальше начинается болото. Я, собственно, об этом и хотел вас предупредить.

А я завела неудобные разговоры. Да, люблю я это делать, ничего не попишешь.

Кирилл вернулся в сад, а я медленно побрела по дорожке дальше. С каждым шагом она становилась все менее различимой, а вскоре и вовсе исчезла между слежавшимся ковром многолетней травы. Стало еще прохладнее, я уже зябко куталась в тонкий кардиган, но продолжала идти вперед. Деревья становились все гуще, будто пытались задержать, не пустить меня дальше, но вскоре, уставшие от моего упрямства, расступились, и я вдруг поняла, что парк остался далеко позади, а теперь я в самом обычном лесу. К моему удивлению, неудобно не стало. Напротив, проснулся интерес. Я никогда не оказывалась в лесу одна, без родителей или друзей. Никогда не бродила между деревьями просто так, не собирая грибы или сухие ветки для костра.

На всякий случай вытащила из кармана мобильный телефон, который продолжала носить с собой по привычке, связи в лесу все равно не было. Сеть и дома удавалось поймать с трудом, а чтобы выйти в интернет, и вовсе требовались шаманские обряды и ведро новопассита, что уж говорить про лес. Завела компас, запомнила, что возвращаться нужно будет на юго-запад, и пошла дальше. Краем сознания понимала, что могу заблудиться, что этот лес мне незнаком, но какая-то сила уверенно гнала меня вперед. Вскоре деревья стали еще реже, теперь вокруг меня росли одни лишь березы, где-то высокие, а где-то совсем тонкие, а под ногами начало чавкать. Я зашла в болото.

Навыков выживания в болоте у меня не было. Помню, когда-то читала статьи о том, как выбраться из болота, когда собиралась отправить в него своих персонажей, но было это очень давно. Персонажи, кстати, в болото так и не пошли, и информация за ненужностью забылась. Теперь вспоминалась рваными кусочками, фрагментами, не позволяющими считать себя экспертом, а потому следовало развернуться в сторону дома. Я так и сделала, но оказалось, что я не дошла до болота. Я уже хожу по нему. В какую сторону я ни пыталась поставить ногу, везде проваливалась по щиколотку. Несколько шагов – и в кроссовках уже чавкала вода. Ледяная, будто сейчас зима, а не теплый май.

Так, спокойно, Эмилия, только без паники. Что там тебе подбрасывают воспоминания? Найти палку и каждый шаг проверять ею. Не перепрыгивать с кочки на кочку, а ступать аккуратно, чтобы не потерять равновесие, переносить вес медленно. Держаться мест с наиболее густой растительностью. Деревья не растут в воде, значит, возле них должна быть твердая земля. Но чем больше я шла, тем сильнее мне казалось, что я не возвращаюсь домой,

а еще глубже ухажу в болото. Березки стали совсем чахлыми, и палка в моих руках вскоре оказалась толще, чем их стволы. Теперь болото уже не ощущалось ногами, а было видно невооруженным взглядом. Я видела рыхлые кочки, которые едва ли способны удержать мой вес, черные глаза-блюдца, наполненные ледяной болотной водой.

Паника подступала все ближе, но я старалась ей не поддаваться. Что толку паниковать? Определенно, задумавшись, я отошла слишком далеко от дома, поэтому крики никто не услышит. И искать меня если и начнут, то ближе к вечеру. Остаться на месте ждать помощи – плохой вариант. Действие репеллента, которым я щедро намазала открытые участки кожи, пропадет через несколько часов. Как раз к тому моменту, как озвереют болотные комары. Они сожрут меня заживо, в этом можно не сомневаться. Так что надо выключить панику и идти вперед.

Я вытащила телефон, чтобы убедиться, что двигаюсь в правильном направлении, и паника вернулась снова. Стрелка компаса медленно вертелась против часовой стрелки и не собиралась останавливаться, как бы я ни поворачивала телефон. Не то чтобы я надеялась, что в смартфоне будет такой уж точный компас, даже за те деньги, что я за него заплатила, но он же должен хоть как-то работать!

Стало жарко. По спине потек пот, волосы прилипли к затылку и щекам. Хотелось раздеться, но это была плохая идея. Тогда комары сожрут меня еще до вечера. Через плотные тучи иногда пробивались солнечные лучи, и я могла определить положение солнца, но вот насколько оно продвинулось по небу, пока я тут бродила, не представляла. Определять стороны света по деревьям тоже казалось мне гиблым номером. На этом болоте все березы одинаково дохлые!

Теперь, когда я осознала истинное свое положение, двигаться пришлось еще медленнее и осторожнее. Я выбрала единственно правильный, на мой взгляд, вариант: идти на солнце. По идее, сейчас оно как раз должно быть на юго-западе.

Если до этого мне казалось, что лес живет своей обычной жизнью: поют птицы, шевелятся в земле различные жучки и мелкие животные, то теперь вдруг стало так тихо, что я слышала собственное дыхание и стук сердца, слышала, как булькает где-то вода, выпуская на поверхность болотные газы. Болото отпускало мою ногу с неохотным чавкающим звуком, будто за мной каждый раз щелкал пастью огромный крокодил. Плохо иметь живое воображение!

Медленно, шаг за шагом, я продвигалась вперед. Земля постепенно становилась тверже, выбирать место, куда поставить ногу, было легче. Лес густел, и я уже почти готова была разрыдаться от облегчения, как вдруг заметила на земле что-то серое. И не увидела бы, лежи оно чуть в стороне, но предмет находился как раз на той кочке, куда я собиралась поставить ногу. Я не сразу поняла, что это, а когда наклонилась поближе, взвизгнула от неожиданности и испуга. Это была оторванная заячья голова. Темный глаз таращился на меня, как живой, длинные уши разметались в разные стороны. Тельца рядом не было, либо его унесли, либо съели. Кровавые ошметки свисали в том месте, где голова крепились к туловищу.

От неожиданности я машинально ступила назад, туда, где не было твердой земли, успела понять, что нога проваливается вниз, утягивая меня за собой, но сделать уже ничего не смогла. Секунду махала в воздухе руками, пытаюсь удержать равновесие, а затем упала в грязную жижу, наконец получившую свою жертву. Ушла в воду сразу по пояс, а когда попыталась дернуться – по грудь. На этом мозги встали на место, паника испуганно заткнулась, и дергаться я перестала. Несколько осторожных глубоких вдохов – и я снова

смогла думать.

Картинка вырисовывалась неприглядная: одна посреди болота, застряла в грязной жиже, и помощи ждать неоткуда. По крайней мере, в ближайшие несколько часов. Протяну ли я до темноты? Ведь теперь даже от комаров отмахиваться опасно. Давай, Эмилия, вспоминай свои статьи, что нужно делать, если ты провалилась в топь?

Дотянуться до палки или ветки и попытаться лечь на нее. Чем более горизонтальное положение займешь, тем будет легче выбраться. А затем медленно выползать на твердую поверхность, без суетливых движений. Легко сказать, да нелегко сделать.

Палка, которая была моей верной спутницей в борьбе с болотом, лежала вроде бы недалеко, но дотянуться до нее я не могла. Может, получилось бы, попытайся я с силой дернуться вперед, но я боялась. Жижа держала меня крепко, даже глубокий вдох, казалось, утягивал вниз. При каждом моем движении в полуметре от меня на поверхности черной воды лопались пузыри. Должно быть, болотные газы. Нужно дышать осторожнее, не хватало еще сознание потерять, надыхавшись ими. И в целом вести себя осторожнее. Что, если до палки я не достану, а провалюсь еще глубже? Что я стану делать, если вода дойдет мне до шеи? Даже с палкой в руках мне тогда не выбраться. Умирать в грязной вонючей воде в мои планы не входило. Если уж на то пошло, то даже московская жизнь в последние полгода была лучше, чем смерть в полесском болоте.

Я попробовала медленно обернуться, чтобы выяснить, нет ли где чего-то твердого поближе, как вдруг увидела, что на меня смотрят. Примерно в трех метрах от меня возле кочки, которую я ранее посчитала слишком хлипкой, из воды торчала голова. Точнее, верхняя половина головы. Точнее, что-то, похожее на голову. Существо было совершенно лысым, с бледной, отдающей зеленью кожей, двумя глазами навывкате, больше всего похожими на бильярдные шары, и двумя дырками вместо носа. Рот если и был, то прятался под водой. Существо напоминало жабу, если бы только они существовали такого размера. Впрочем, кто его вообще знает, что водится в таких местах?

Увидев, что я его заметила, существо скрылось под водой, но секунду спустя снова всплыло, уже гораздо ближе ко мне. Я позорно закричала, сознаюсь. Но когда ты и так в безвыходном положении, а к тебе приближается нечто непонятное, что запросто может тебя сожрать, если судить по почившему зайцу, только и остается, что орать.

Существо снова ушло под воду, но больше не показывалось на поверхности. И от этого стало еще страшнее. Я знала, что оно тут, внизу, но теперь не видела его, не могла контролировать. Наплевав на все, я завертелась вокруг своей оси, в панике ища торчащие из воды глаза навывкате, и снова закричала. На этот раз осознанно. Кажется, существо боялось моего крика.

За спиной послышался шум, но не воды. Кто-то будто шел по твердой поверхности, наступая на сухие ветки. Человек! Я спасена!

Я снова обернулась и от ужаса едва не ушла под воду с головой. В той стороне, где, как я считала, находилась твердая земля и мой дом, стоял волк. Огромный серый волк с измазанной кровью пастью. Настолько огромный, что таких больших я не видела даже в зоопарках. Вот кто сожрал зайца! Конечно, лягушки не едят зайцев. А волки – запросто. Хотелось бы верить, что волк сыт и не полезет в трясины за такой легкой добычей, как я, но едва ли серый мог наестся маленьким зайцем.

Однако нападать волк не стал. Он посмотрел на меня брезгливо, клянусь, будто мысли прочитал и подумал: «Таких костлявых я не жру» – и скрылся в кустах. Я выдохнула бы, но

положение мое все равно оставалось критическим: я ушла под воду уже по самую шею, левая рука еще оставалась на поверхности, а правая уже беспомощно бултыхалась в воде, и я не могла вытащить ее. И все равно лучше уж захлебнуться, чем быть заживо съеденной.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я решилась попробовать дотянуться свободной рукой до ветки. Терять все равно было уже нечего. У меня ничего не получилось бы, если бы в этот момент кто-то снизу, прямо из воды, не подтолкнул меня под зад. Я сначала ухватилась одной рукой за ветку, выдернула из воды вторую и только потом испугалась, взвизгнула. Как-то сразу поняла: в воде, кроме меня, было еще то существо с жабьими глазами, и это оно пыталось отхватить от меня кусочек! Для волка я, может, и костлявая, а вот для лягушки-переростка в самый раз.

Я резко развернулась и замахнулась палкой, но никого не увидела. Мне же не могло почудиться? Да и до палки я как-то добралась, а ведь минуту назад пошевелиться не могла.

Сердце отбивало канкан прямо в висках, меня даже подташнивало от его бешеного ритма. Или от болотной воды, которой я успела хлебнуть, не знаю. Сквозь шум в ушах я с трудом различила шаги справа. Но еще до того, как успела испугаться возвращения волка, увидела человека, пробирающегося сквозь кусты.

Кирилл? Решил пойти искать меня до темноты?

– Эй! – закричала я. – Я здесь!

Человек остановился, огляделся по сторонам и спустя несколько секунд вышел на поляну, едва не ставшую моей могилой. Теперь я хорошо видела, что это не Кирилл. Мужчина был старше него, лет тридцати пяти или, может, немного больше. Высокий, светловолосый, с сексуальной небритостью на лице. Не в моем положении было оценивать людей на притягательность, но мужчина уж больно походил на молодого Юэна Макгрегора, и я не могла не отметить это, даже находясь по шею в болоте. Хотя давайте по-честному, даже если бы на поляну вышел Квазимодо, я бы посчитала его самым прекрасным мужчиной на свете, ведь он мог меня спасти.

Мужчина, увидев меня, остановился. Светлые брови сошлись на переносице, глаза прищурились. Очевидно, мои внешние данные сейчас не могли его покорить, поэтому на повестке дня осталась лишь безнадежная глупость, заведшая меня в самую топь.

– Вы что здесь делаете? – спросил он, и голос у него оказался таким же сексуальным, как и небритость: низкий, негромкий, с легкой хрипотцой.

– Пытаюсь выжить, – честно ответила я. – Поможете?

Мужчина хмыкнул и огляделся по сторонам. В какой-то момент мне вдруг показалось, что он собирается уйти, и я здорово испугалась! Но нет, он всего лишь искал палку потолще, чем та, что я держала в руках. Найдя подходящее бревно, он лег на землю, не обращая внимания на то, что пачкает светлую льняную рубашку, и протянул мне конец палки. Я ухватилась за нее, как утопающий за соломинку. Впрочем, «как» тут неуместно. Я и была утопающим.

– Медленнее, – командовал мужчина, потихоньку вытаскивая меня из жижи, которая, осознав, что теряет добычу, тут же схватила меня за ноги и потянула обратно.

До того момента, как я смогла вылезти из болота по пояс, прошло не меньше пяти минут. За это время не только я стала мокрой и грязной, но и мой спаситель. Однако, когда он протянул мне руку, я смогла ухватиться за нее.

Рывок – и вот я уже на твердой земле, уткнулась носом в плохо пахнущий мох под моим лицом, шумно выдохнула. Жива!

– Спасибо, – с чувством поблагодарила я.

– Как вы здесь оказались? – вместо ответа спросил мужчина.

Опершись на дрожащие руки, я села, разглядывая своего спасителя. Сейчас он выглядел несколько хуже, чем когда только вышел на поляну, был грязным и мокрым, зато я смогла рассмотреть длинные, девчоночьи какие-то ресницы, россыпь мелких морщинок вокруг глаз, будто он привык щуриться. И сами глаза были удивительного, темно-синего цвета, как небо перед грозой. А в них застыла такая тоска, словно мужчина слишком многое видел в жизни, потерял все самое дорогое, остался один в этом мрачном лесу.

Я тряхнула головой, отгоняя от себя непрошенные сравнения. Глаза как глаза, что ты выдумываешь? Лучше представь, как сама выглядишь. Мокрая, грязная, перепуганная, со спутанными волосами и застрявшей в них тиной. То-то он так на тебя смотрит. Но, честно говоря, мне было плевать. Хочет пялиться – пусть пялится.

– Я просто заблудилась, – призналась я. – Вышла погулять и не заметила, как зашла в болото, в котором едва не утонула и меня чуть не сожрали.

– Сожрали?

– Я видела волка и... огромную жабу. Голова зеленая, размером с человеческую, глаза навывкате.

Должно быть, во мне говорил шок. Потому что, будь я в здравом уме, никогда бы не призналась чужому человеку, что видела жабу-гиганта. Сейчас он подумает, что я не просто идиотка, но еще и пьяная. Однако мужчина посмотрел на то место, откуда только что вытащил меня, и хмыкнул:

– Вы не местная. Местным бы в голову не пришло называть Багника жабой.

– Багника? – переспросила я.

– Так кто вы? – снова невежливо ответил вопросом на вопрос мужчина, поднимаясь на ноги, но и не думая протягивать руку мне. – Как здесь оказались?

Я встала самостоятельно, не гордая. Гордость – непозволительная роскошь для того, кто едва не погиб. С вызовом посмотрела на мужчину, заметив кровавый след на его щеке. Должно быть, поранился, когда тянул меня. Ладно, не смазливая барышня, заживет.

– Меня зовут Эмилия Вышинская, я новая хозяйка усадьбы Вышинских, – представилась я и не удержалась от легкого сарказма: – Вы, как *местный*, наверняка о ней слышали.

На лице мужчины отразились странные эмоции: смесь недоверия, удивления и... разочарования? Он думал, что новая владелица усадьбы встретит его в бальном платье? Или будет юна и прекрасна, как те девы на портретах в гостиной? Простите великодушно, вы и сами не первой свежести жених, если уж на то пошло.

– Новая хозяйка усадьбы? – переспросил мужчина.

– Вы же знаете, что Агата Вышинская умерла? Вот, я ее наследница.

Мужчина отвернулся, должно быть, чтобы справиться с эмоциями. Я больше не видела его лица, но видела руки, сжимающиеся и разжимающиеся пальцы. Когда он снова повернулся, на лице его не было ни единой эмоции, взгляд стал нейтрально-вежливым. И на том спасибо.

– Что ж, очень приятно познакомиться, – все с тем же показным равнодушием сказал он. – Меня зовут Иван, я ваш сосед. Живу неподалеку.

Значит, сосед. Только вот я его не помнила, хотя, кажется, в Востровке успела перезнакомиться уже со всеми.

– Вы из деревни? – уточнила я.

Иван мотнул головой.

– Купил домик в лесу. Люблю тишину и уединение.

Вот оно что! Я слышала от деревенских упоминания о других домах в округе, но думала, что они все заброшены и разрушены.

– Что ж, Иван, еще раз спасибо за то, что спасли меня. Могу я пригласить вас к нам на ужин как-нибудь в благодарность? Мы с сестрой будем рады вас видеть.

– С сестрой? – На его лице снова отразилось удивление, на этот раз, кажется, с затаенной радостью. Решил, что если первая Вышинская не удалась, то вторая еще может спасти ситуацию? И правда была в том, что Юлька совершенно точно могла ее спасти, но я в этот момент решила держать ее подальше от странного соседа. Даже пожалела, что позвала на ужин, но забирать слова обратно было бы некрасиво.

– Да, мы приехали сюда с сестрой. Останемся, наверное, на все лето, так что можем подружиться.

Иван растерянно кивнул, будто мыслями был уже где-то далеко.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я обязательно как-нибудь загляну к вам на ужин. А теперь вам пора домой, вы отвратительно выглядите. Идите туда, – он указал рукой направление, – никуда не сворачивая. Метров через двести увидите поваленную березу. Возле нее поверните направо, и вскоре выйдете к тропинке из камня, она приведет вас домой.

– А вы меня не проводите? – испугалась я.

Тут же волки и эти... Багники! Что, если я снова вляпаюсь в неприятности? Спас один раз, мог бы уже убедиться, что я доберусь до дома в целостности и сохранности. Иначе зачем все это было?

Однако подобное джентльменство в его планы не входило. Или же просто не было желания прогуливаться по лесу с отвратительно выглядящей дурочкой.

– Вы не потеряетесь, – заверил Иван. – Болота дальше нет. Поторопитесь, пока солнце не село. Мне в другую сторону.

Упрашивать я не стала, хотя хотелось. Если что, буду кричать, наверняка он услышит. Почему-то казалось, что он будет стоять здесь, пока не убедится, что я добралась до тропинки. Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, возможно, просто хотелось так думать. Уж слишком страшно было снова остаться одной среди леса и болота.

До усадьбы я добралась без приключений. Нашла и поваленную березу, и каменную тропинку. Оказалось, я была не так уж далеко от дома все это время, болото начиналось едва ли не забором. Если бы только забор тут был. Но я не нашла даже следов его бывшего существования, что показалось странным. Какой-никакой, а по бокам он оставался, почему же Агата никак не отгородилась от леса? Ведь там водятся волки. Неужели ничего не боялась? Отважная женщина.

Юлька и Кирилл были все там же, в саду, только теперь наш добровольный помощник больше не занимался розовыми кустами, а весело болтал с моей сестрой, не забывая при этом отчаянно краснеть. Все-таки мне надо провести беседу с младшей сестрицей, негоже вгонять в такую краску ухажеров.

Едва я показалась в поле зрения обоих, как они всплеснули руками и поторопились ко мне. Кирилл легко бы обогнал Юльку, ее крутая коляска не была способна развивать крейсерскую скорость на плохой дороге, но он держался позади. Истинный джентльмен. Вот кто определенно подал бы мне руку, в отличие от угрюмого соседа.

– Эмма, что случилось? – воскликнула Юлька, разглядев меня.

Представляю свой видок: мокрая, грязная, злая.

– Провалилась в болото, – честно ответила я. – Оно тут, оказывается, прямо за забором.

– Я ведь вас предупреждал, – покачал головой Кирилл, но сейчас мне было плевать на его предупреждения.

– Мне нужен горячий душ, – пресекая все расспросы, заявила я, проходя мимо них, но ребят это не остановило. Они развернулись и хвостиками направились за мной.

– Кстати, Кирилл, кто такой Багник? – спросила я, не оборачиваясь.

Хруст гравия за спиной стих, и мне пришлось остановиться и посмотреть назад. Юлька выглядела просто удивленной, а Кирилл словно даже испуганным.

– Багник? – переспросил он, но я видела, что это слово он слышит не впервые. Да ведь он и не мог не знать его, он местный. А Иван сказал, что местные никогда не называли бы Багника жабой, значит, все тут о нем знают.

– Багник, – кивнула я, пристально глядя на Кирилла. В этот раз я не дам ему замять тему, хватит благородства. Здесь что-то происходит, и я должна знать что. В конце концов, речь идет о безопасности не только моей, но и Юлькиной.

– Ну... – Кирилл замялся, но по какой-то причине решил ответить: – У нас так называют хозяина болота.

– Хозяина болота? – с интересом переспросила Юлька. – Как это?

– У нас верят, что у всего есть хозяева: и у болота, и у леса, и у дома...

– Это типа домовых и леших? – нахмурилась сестра.

– Что-то вроде этого, – кивнул Кирилл. – Так вот, Багник – хозяин болота.

– И что он делает?

– Заведует болотом. Даже не простым болотом, а именно багной, как у нас. Живет в самой трясине, на поверхность редко поднимается, да и незачем ему. Кто попал в трясины – уже не выберется, так и так к нему на ужин попадет. Узнать о том, что он рядом, можно по пузырям, поднимающимся со дна болота и лопающимся на поверхности.

Юлька со страхом посмотрела на меня. Мой вид намекал, что я едва не стала ужином

этому самому Багнику, если только он существует. И я, человек разумный, образованный и не верящий в домовых и леших, теперь почему-то сомневалась в своем разуме. Ведь я же видела эту лысую зеленую голову, эти жабыи глаза! И пузыри, чертовы пузыри, которые приняла за болотный газ.

Кстати, а может, все-таки в этом дело? Я слышала, что болотные газы ядовиты, возможно, они могут вызывать галлюцинации. А раз болото за самым забором, может быть, и остроухая старуха на моем шкафу была следствием отравления. Интересно, могут ли газы отравлять вообще всю деревню? Раз уж местные верят во всех этих Багников.

– Как ты выбралась? – спросила Юлька, перебивая мои мысли.

Я врать не стала:

– Сосед помог.

– Эмилию Багник не тронул бы, не переживай, – улыбнулся Кирилл, переводя разговор в шутку, но мне вдруг подумалось, что он сказал правду. Не тронул бы. Ведь не просто не тронул, а помог, подтолкнул снизу, чтобы я дотянулась до палки. А почему, я не знала.

– Кстати, Кирилл, а согласно вашим верованиям, как называют маленькую старушку с острыми ушами, которая любит прятаться на шкафу? – спросила я, поддерживая его шутливый тон.

Но по моим глазам он понял, что я не шучу. И я тоже вдруг осознала, что он догадался: я видела все, о чем говорю. Догадался и... не удивился. Будто я и должна была увидеть.

– Это Воструха, – просто ответил Кирилл. – Домашний дух. Она добрая, помогает присматривать за домом.

– Вроде домового? – уточнила Юлька, а потом посмотрела на меня. – Откуда такие вопросы, Эм?

Я лишь махнула рукой.

– Собираю материал для новой книги.

– Ты же никогда не писала фэнтези.

– Говорят, оно неплохо продается.

На самом деле на свои гонорары я тоже не жаловалась. Особенно после того, как Вадиму удалось продать права на экранизацию одной моей книги три года назад, и с тех пор продюсерские центры бились за мои рукописи. Раньше не жаловалась, как будет дальше, после всего произошедшего, одному Богу известно.

Оставив этих двоих наслаждаться обществом друг друга, я отправилась в ванную. Ее мы оборудовали только на первом этаже, поскольку напора воды не хватало на второй. Даже на первом насос справлялся с трудом, вода текла тоненькой струйкой, становясь то холодной, то горячей. Удовольствия от такого душа мало, но помыться можно. По этой причине мы пока не покупали душевую кабину, пользовались ванной. Если все время контролировать воду, то можно было набрать ее нужной температуры.

Забравшись в огромную лохань на медных грифоньих ножках, я не стала закрывать слив пробкой. Сначала пришлось смыть с себя грязь и тину, и только после этого позволила себе наполнить ванну. Прошло не меньше получаса, прежде чем вода дошла мне до груди, укутывая в теплое покрывало и оставляя позади неприятное приключение. Я закрыла глаза, вдыхая апельсиновый аромат пены и покачиваясь на волнах дремы. Все пережитое теперь казалось не таким уж страшным, я даже поверила, что никакого Багника на самом деле не видела. Просто испугалась, а у страха глаза велики. А что до палки дотянулась, так на пороге смерти у людей часто просыпаются невиданные возможности. Адреналин и все такое. Не

могу же я поверить в существование болотного духа, в самом деле! Что дальше? Призраки и ведьмы?

Звук лопнувшего на поверхности воды пузыря выдернул меня из приятной неги и заставил распахнуть глаза. Вода вокруг больше не была спокойной, она пузырилась и лопалась, будто кто-то опустил невидимую трубочку в воду и дул в нее. Или сидел в воде и выпускал из легких воздух. Кто-то огромный, потому что пузырями было слишком много. Вся моя ванна была сплошными пузырями. В панике я разгребла руками пену, но никого не увидела. В воде была только я одна, а пузыри не исчезали.

Хватаясь руками за скользкие края ванны, я выскочила из нее и едва не упала, поскользнувшись на разлитой по полу воде. Откуда она тут? Я ведь мылась аккуратно, не расплескивая. Зажмурившись от ужаса, я опустила руку в ванну и выдернула пробку. Вот так. Кто бы ни был внутри, ему придется спуститься в канализацию.

Замотавшись в большое пушистое полотенце, я бегом бросилась на второй этаж. Теперь в моем шкафу было много вещей, однако я все равно вытащила первое попавшееся платье. Вместо того чтобы выбирать одежду, я поглядывала на шкаф, где несколько дней назад видела необычную старушку. Воструху, как назвал ее Кирилл.

Идея возникла внезапно. Я подтащила тяжелый стул с резной спинкой к шкафу и взобралась на него. Пришлось ухватиться за край шкафа и приподняться на носочки, чтобы заглянуть на самый верх. Никакой старухи здесь не было. Старухи не было, а пыль была. При уборке я лишь повозила тут шваброй, не дотянувшись нормально. А среди этой пыли, забившись в самый угол, лежал большой пухлый конверт. Я потратила несколько минут, прежде чем смогла ухватить его за край и подтянуть к себе. Никакой сургучной печати, которую уже нарисовало мое воображение, на нем не было, поэтому я открыла его прямо там же, стоя на стуле.

В конверте лежали письма. Сгорая от нетерпения, я слезла со стула, забралась с ногами на кровать и открыла первое. Чернила уже порядком выцвели, но все еще читались. В первое мгновение я испугалась, что письма тоже будут написаны латинкой и я ничего не пойму, но выдохнула с облегчением, увидев знакомые буквы.

Здравствуй, дорогая сестра!

Ты просила узнать, как дела в деревне. Вчера мы с мамой ходили туда, справлялись о здоровье Катерины. Там снова беспокойно. Только все утихло после смерти Степана-столяра, как новая напасть: ушел и не вернулся Антоша, муж Ганны Михайловой. Ты же знаешь, Антоша хороший охотник, не мог заблудиться в нашем лесу. Однако к вечеру не пришел, а все деревенские знают, что на ночь там оставаться теперь опасно. Ганна плачет, по-деревенски уже хоронит его. Завтра мужики собираются идти искать, папа обещал помочь. Знаю, что тебе еще рано, поэтому прошу лишь об одном: поскорее набирайся сил! И не злись на папу, он хочет, как лучше. Ты же знаешь, кроме тебя, нас некому защитить. Ты нам очень нужна.

Леона.

Леона. Такого имени я еще не слышала. Среди найденных в доме бумаг и документов имен было мало, а семейные портреты на стене гостиной не были подписаны. Но почему-то

мне казалось, что эта таинственная Леона – одна из Вышинских, какая-то моя прапра. Иначе с чего бы Агата хранила ее письма на своем шкафу? И если Леона писала письма сестре, не могла ли этой сестрой быть сама Агата?

Открыв следующее письмо, я вздрогнула от неожиданности. Теперь я знала имя сестры Леоны, и звали ее не Агата...

Агния!

Антошу нашли. Вернее, то, что от него осталось. Нет никаких сомнений, что его разорвал дикий зверь. Мужики говорят, что следы волчьих, только таких огромных в нашей стороне никогда не бывало, не любят они болот, боятся. Папа запретил теперь нам с Эленой ходить в лес, пока не отловят волка. Жалко, в лесу теперь особенно хорошо, цветы кругом, ягоды. Мама ругает нас, говорит, что мы ведем себя как деревенские девки, но ты же знаешь, как я люблю лес.

Эх, даже завидую тебе! Ты скоро сможешь проводить там много времени! Знаю-знаю, что ты выбрала бы другую жизнь, но, сестричка, ты нам всем очень нужна!

Как думаешь, действительно волк в лесу объявился или это что-то другое? Охотники узнали бы, да? Очень жду твоей записки.

Леона.

Не та ли это Агния, видения о которой я ловила уже несколько раз? А еще у этой Агнии были сестры Леона и, очевидно, Елена. Хотя Елена может быть и не сестрой, а, к примеру, тетей или даже служанкой Леоны. Компаньонкой. Как интересно! Я с нетерпением взяла еще одну записку.

Агния!

Пришло письмо от Миши! Они с Оленькой и детьми собираются приехать к нам на некоторое время. Мама готовит им комнаты в голубом флигеле. Шутка ли, мы не видели их целых два года! С тех пор, как Оленька родила второго сына. Мы и малыша никогда не видели, а ведь ему уже два года, совсем большой. Да и по Митеньке соскучились, хоть и привозили его к нам прошлым летом погостить. Как жаль, что ты не смогла с ним познакомиться, он такой чудесный малыш! Папа говорит, очень похож на маленького Мишу. Елена предложила сходить завтра на Росяной луг, нарвать цветов им в комнату. Я боюсь, и не знаю, чего больше: встречи с волком или папиного гнева. Росяной луг сразу за болотом, вроде и недалеко, и места все знакомые, а все равно ведь запретили в лес ходить. Там и раньше было опасно, а теперь и вовсе. Как думаешь, можно нам туда? Если быстро и днем?

Леона.

Я снова отложила записку и посмотрела в сторону большого окна, закрытого тяжелыми шторами. Я забыла отвесить их утром, а после первой ночи мы с Юлькой больше не рисковали оставлять окна незанавешенными. Мне на втором этаже ничего не было слышно, а Юлька говорила, что иногда, когда просыпается среди ночи, слышит шорохи и шаги за окном, чувствует, что бродит кто-то под стенами. Я пыталась выяснить в деревне, не ходит ли

кто к нам по ночам, но так ничего и не добились. Казалось, все знают, кто заглядывает к нам в окна, но не сознаются. Была даже мысль поставить камеры, но что я этим добьюсь? Увижу, кто ходит, и дальше что? Ругаться с местными мне не хотелось, тем более никакого ущерба ночной гость не наносил. Пугал только, но от этого хорошо помогали закрытые шторы и запертая дверь. Если уж Агата, прожившая тут всю жизнь, смирилась, то и я не буду артачиться.

Дав немного отдыха глазам, я снова вернулась к запискам. Пока я не понимала, ни в каком примерно году они были написаны, ни сколько лет этой таинственной Леоне, но у меня было еще слишком мало информации.

Ох, Агния, к нашему большому огорчению, Миша и Оленька с детьми поселились в Желтом доме. Папа сказал, что они сами так решили, но я в этом сомневаюсь. С чего бы Мише захотеть жить отдельно? Думаю, дело в том, что папа недолюбливает Ольгу. Он, конечно, этого никогда не говорит, но я чувствую. Что-то изменилось в его отношении к Мише и его семье. Не зря же брат с женой не приезжали к нам столько времени! Так что наш букет, который мы с Эленой собирали, рискуя собственными жизнями, так и остался ненужным. Вчера после приезда Миша и Оленька приходили на ужин, но детей оставили с няней, так что увидеть Митю и познакомиться с Олегом нам не довелось. Только передали им подарки и все. Елена слышала, как родители разговаривали между собой, говорит, похоже, Олег чем-то болен. Болен серьезно, поэтому и привезли его сюда, к нам. У нас тихо и свежо, можно много гулять, тут любые болезни проходят вскорости, даже врачи не нужны. Миша справлялся о тебе, спрашивал, набрала ли ты силу. Мне показалось, он хотел встретиться с тобой, так что будь готова. Как же мне тоже хочется тебя увидеть! Может быть, ты могла бы выйти в лес? Я бы тоже пришла. Мы с Эленой так соскучились по тебе! Очень жду нашей встречи, дорогая сестра.

Твоя Леона.

Агния, дорогая моя сестра!

Прости за такое долгое молчание. Ничего не случилось, просто летом совсем не хочется братья за письма. Дни такие длинные, такие теплые, что домой мы прибегаем только к ужину. Знаю, ты ждала моей записки, и мне очень стыдно за то, что не писала тебе. Надеюсь, ты не обижаешься? Папа говорит, что еще несколько месяцев, и ты сможешь наконец выходить, мы увидимся! Расскажи, приходил ли к тебе Миша? Мы его почти не видим, все дни они с Олей проводят в Желтом доме.

А недавно я такое увидела... Никому не говорила, даже Элене, но тебе напишу, не могу молчать.

Шла я от бабки Павлины, ходила за порошком для маменьки. И пошла длинной дорогой, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Митеньку, надеялась, что во дворе он будет гулять. Я бы подходить не стала, Миша запретил, но очень хотелось увидеть. Как и я думала, Митенька гулял во дворе с няней. Я стояла за дубом, наблюдала. Он так вырос, совсем взрослый уже, рассудительный. А потом

няня вывезла на улицу коляску с Олегом. И, Агния, что я увидела, когда она вытащила ребенка из коляски! Ноги у него тонкие, кривые и вывернуты так странно, будто у зверя, колени в обратную сторону. Няня его все время на руках носила, не может он на таких ногах стоять. Думаю, вот о какой болезни говорил Миша! Мама и папой знают об этом, потому что ходили туда. А нам не говорят, что Олег – урод. Я теперь думаю, чем же ты сможешь помочь ему? Ведь ты не знахарка. Лучше бы бабке Павлине его показать.

Слышала я вчера, что должен приехать врач из самого Санкт-Петербурга, какой-то Мишин знакомый. Папа называл его светилом. Надеются, что он что-то подскажет.

Напиши мне, что ты думаешь об этом?

Леона.

Это была последняя записка в конверте. Я даже потрясла его, надеясь, что из него выпадет что-то еще. Я хотела читать дальше, хотела знать, что в итоге стало с маленьким Олегом. Потому что... потому что описание его болезни полностью совпадало с болезнью Юльки! Как такое могло быть?

Во время беременности маме никто не говорил, что у ребенка есть некие аномалии развития. Да даже если бы и говорили, родители едва ли решились бы на аборт. Когда Юлька родилась, сразу стало понятно, что с ногами у нее что-то не то. Мы с мамой никогда не разговаривали об этом откровенно, я помню лишь момент, когда папа привез ее с сестрой из роддома и мне осторожно сказали, что Юлька больна. Мне было почти девять, я все понимала, но родители все равно долго держали Юльку в пеленках и просили меня выйти, когда раздевали ее. Лишь когда сестре исполнилось полгода, мама показала мне ее ножки. Тогда они впервые легли в больницу на обследование, и скрывать от меня ее уродство стало уже невозможно.

Многочисленные анализы показали, что болезнь Юльки – не генетическая аномалия, просто так сложились обстоятельства. Может быть, внутриутробная инфекция, может, какой-то стресс или нехватка важных витаминов и минералов. В любом случае, ее уродство – случайность, которую никак нельзя было предугадать и которая не передается по наследству. И вот я узнаю, что такое в нашем роду уже было! Потому что с большой долей вероятности можно утверждать, что и Леона, и Агния, и Миша – наши предки, Вышинские. Иначе что делали бы эти записки в комнате Агаты Вышинской?

Я отложила конверт, встала с кровати. Просто не могла сидеть, когда сердце колотилось в горле и руки мелко подрагивали. Говорят, бомба два раза в одно место не падает, а если упала, значит, на то была веская причина. Какая же причина того, что дважды в нашей семье дети рождались с одними и теми же уродствами, которые, по словам врачей, не передаются по наследству?

Надо выяснить, где жили эти Михаил и Ольга до рождения младшего сына. Не здесь, не в усадьбе, значит, не она тому причина. Не здешний воздух или отравленная вода. Да и Юлька родилась за тысячу километров от нее. Все дело в семье? Но ведь между нами не одно поколение. Может быть, не только Олег и Юлька родились с такими аномалиями, были и другие подобные дети у Вышинских?

Мысли крутились в голове бешеным роем, сбивали одна одну, закручивались в спирали и

мешали нормально думать. Одно ясно, в нашем роду есть некая тайна, и я обязательно ее выясню.

Я села в кресло и глубоко вдохнула. Взяла в руки телефон, открыла в нем записную книжку, где привыкла делать пометки. Обычно таким образом я набрасывала план сбора информации для новой книги и сейчас попыталась убедить себя, что действовать надо так же. Как будто я просто собираю информацию.

Первым делом, мне стоит выяснить, точно ли все эти люди были Вышинскими. Когда именно они жили? В каких годах? Второе: надо узнать, что стало с Олегом. Показывали ли его врачам? Леона упоминала о некоем питерском светиле, который должен был приехать. Надо выяснить, что это было за светило, что решил врач, увидев ребенка. Пан Брынза привез мне кое-какие документы, но я еще не разобрала их, решив, что они касаются лишь дома, раз самому адвокату ничего не было известно о роде Вышинских. Тем не менее, их стоит пересмотреть внимательно. На самом деле разбором документов следовало заняться сразу после того, как пан Брынза их привез. Но в тот момент дом мне казался более важным, ведь мы не могли жить в пыли и грязи. Однако теперь с этим более или менее закончено, а потому можно и архивы разобрать. Тем более теперь у меня есть важная причина выяснить побольше о семье Вышинских.

Еще я находила какие-то бумаги в одном из кабинетов дома, но так увлеклась старой картой, что тоже не посмотрела их. В общем, есть что изучать.

Сердце снова ударилось о ребра, когда я вдруг вспомнила документы, присланные мне паном Брынзой еще в Москву. Он писал, что некая Вышинская Агата Олеговна оставила мне наследство. Да и после, навещая нас уже здесь, он называл прежнюю владелицу по имени-отчеству. Агата Олеговна! Давайте смотреть правде в глаза: Олег – не такое уж распространенное имя даже сейчас, а сто лет назад? Да, есть большая вероятность, что отца Агаты могли назвать в честь какого-то родственника, поэтому и повторяется имя в семье, но что, если это *тот самый* Олег? Записки Леоны выглядят старыми, но явно написаны не триста лет назад. Не сохранились бы они в таком виде до этого дня. Может ли им быть лет сто? Кажется, год рождения Агаты значился как 1925, значит, ее отец должен был родиться примерно на рубеже девятнадцатого и двадцатого века. Как раз подходит! А еще старший брат Олега – Митенька. Моего прапрадеда, брата отца Агаты, звали Дмитрием. Значит, я на верном пути!

Я отложила телефон и прикрыла глаза. Голова начала болеть, и больше всего на свете мне хотелось вздремнуть. Пропустить ужин, позволить Вере и Кириллу поухаживать за Юлькой, а самой проснуться ближе к рассвету и продолжить поиски. Ведь если осматривать дом по ночам, ни у кого не возникнет лишних вопросов, что именно я ищу.

Если бы только я сама знала, что ищу!

Я действительно уснула до ужина, но проснулась, увы, когда солнце уже полностью выкатилось из-за верхушек деревьев: проспала всю ночь, не шевелясь. Хороша искательница! В окно увидела копошащегося в саду Кирилла, а открыв дверь, услышала и легкое гроыхание посуды на кухне. Значит, Жуковские уже пришли, незаметно ничего не поищешь. Зато можно расспросить Веру не таясь.

Я спустилась на кухню, делая вид, что просто хочу выпить кофе, а заодно, раз уж подвернулся случай, побеседовать о своей семье и здешних верованиях. Но вскоре выяснилось, что как минимум о семье Вера мало что знает. Ей было всего сорок пять, и никого из Вышинских, кроме Агаты, она никогда не видела. Кроме Агаты, да теперь вот нас с Юлькой. Ни об Агнии, ни о Леоне или Михаиле ничего не знала.

– Сколько я помню Агату, она всегда казалась мне старухой, уж простите, – делилась секретами Вера, замешивая тесто на пирожки к обеду. – И всегда была одинокой. Она не делилась со мной своими секретами больше необходимого, но старики в селе поговаривали, что отец ее погиб еще до войны, хотя в свидетельстве о смерти указан 1942 год. О Вышинских у нас всегда говорили шепотом, но не потому, что боялись, а потому, что уважали. Агата была вроде как местной меценаткой. Кого угодно спросите. Администрация сколько раз к ней на поклон ходила, когда надо было то дорогу новую построить, то трактор в колхоз купить. Агата деньги давала, но во все эти управленческие дела не лезла. Вот ее и уважали, не трогали даже в самые тяжелые времена. Так мне моя мама говорила.

Я еще не успела изучить документы, привезенные адвокатом, но краем глаза видела, что Агата Вышинская оставила мне не только усадьбу, но и приличный счет в банке, а также акции какого-то предприятия. Значит, она на самом деле была богата, хоть и жила достаточно скромно. Богата настолько, что могла позволить себе меценатство.

– Кирилл как-то назвал ее Хранительницей, – как бы между прочим заметила я. – Откуда это прозвище?

Вера метнула на меня странный взгляд, а затем снова преувеличенно внимательно занялась тестом.

– Так из-за помощи и называли ее так, – пояснила она. – Она тут вроде как охраняла всех.

Я ей не поверила. Определенно, было еще что-то, чем Агата заслужила такое прозвище. Ничего важного Вера не рассказала и о местных суевериях. Большим прогрессом мне показался уже тот факт, что она в принципе не уходила от разговора. Рассказала, что в Востровке верят и в Бога, конечно, в церковь ближайшую ездят на большие праздники, но при этом и нечисть не забывают. Из ее путаных рассказов я поняла, что это те же существа из славянской мифологии, которую все мы поверхностно изучали в школе на уроках истории, но немного видоизмененные. В этом не было ничего удивительного, ведь для каждой местности всегда были характерны собственные верования.

– А вы сами видели эту нечисть? – поинтересовалась я.

Вера качнула головой, не отвлекаясь от теста.

– Не дано мне.

– Вы же знахарка.

Вера вскинула голову, будто пыталась понять, на самом ли деле я верю в ее знахарские

способности или же сказала это с сарказмом.

– Мне староста говорил, – пояснила я, по-прежнему стараясь выглядеть невозмутимо.

– Травы я знаю, – сдалась Вера. – Лечить ими умею. Моя бабка молитвами отчитывать умела: испуг снимала, в родах помогала, но мне это не дано. Только умения наши никак не связаны с *тем миром*, поэтому и не видим мы нечисть, как и обычные люди. Старики говорят, что простые люди могут увидеть лишь иногда, краем глаза. Вот вроде как смотришь прямо в угол – пусто, нет ничего. Но стоит перевести взгляд в сторону, как начинаешь замечать, что нет, шевелится в углу что-то. Домовик, может, или Воструха. В лесу так же: наклонишься за грибом или ягодой и чувствуешь, что сзади есть кто-то. Не поднимаясь, голову чуть повернешь, и точно: краем глаза замечаешь, как дерево с места на место переходит. Лесун это, следит, значит, за тобой, наблюдает.

Рассказы ее казались мне жуть какими интересными, но увы, послушать долго не удалось: проснулась Юлька.

Сестра выглядела бледной и уставшей, будто не спала ночью, а вагоны разгружала, но от всех моих вопросов отмахивалась, говорила, что все нормально. Лишь когда я напрямую спросила, болят ли у нее ноги, нехотя ответила:

– Ну может, и немного сильнее болят, чем обычно.

– Почему не сказала раньше? – нахмурилась я.

– Зачем тебя тревожить? У тебя и так столько забот с этим домом. А у меня ведь ничего серьезного, все как обычно. Погода поменялась, вот я и страдаю. Не переживай, скоро пройдет.

Я лишь вздохнула. С обустройством дома совсем забросила Юльку, вот даже в ее словах сейчас почудилась обида. Юлька ведь такая, никогда не скажет прямо, не хочет навязываться и выглядеть несчастным инвалидом, но только теперь я поняла, что все это время могла невольно обижать ее. Мне доступны такие места в усадьбе, куда не может пойти она. Я спускаюсь в подвал, брожу по флигелям, исследую парк и лес, а она сидит в доме и выезжает в сад. И все ее общение здесь – это Кирилл. Даже Вера вечно занята делами, не до бесед ей. Кирилл, безусловно, приятный юноша, но Юлька любит компании.

Я поцеловала ее в макушку и заглянула в глаза.

– Ты мне всегда будешь важнее всех домов, – заверила я. – Обещаю уделять тебе больше внимания. Например, сегодня я собираюсь заняться разбором документов, и, если ты мне поможешь, я буду счастлива.

Юлька заверила, что с радостью поможет.

Завтрак мы накрыли на террасе. Вера, поставив тесто подходить, ушла в деревню. У нее в деревне был не только дом, но и хозяйство, которое тоже требовало внимания, а потому уделять его только нам она не могла, но обещала вернуться к обеду. Кирилл колот дрова где-то в глубине парка, до нас доносились только глухие удары топора о деревянные болванки, поэтому нашей беседе никто не мешал, и я решила открыться к сестре.

– Я кое-что узнала.

Юлька подняла на меня удивленный взгляд вверх чашки.

– Что?

– В роду Вышинских уже был человек с таким же заболеванием, как и у тебя.

Юлька побледнела еще сильнее, чем до этого.

– Что? – спросила глухо, будто не верила своим ушам.

Ведь ей, как и мне, давно было известно, что ее уродство – всего лишь случайная

аномалия. Врачи всегда говорили, что она может жить полной жизнью, насколько это возможно, в будущем выходить замуж и рожать детей, не бояться, что передаст им свою болезнь. И я вдруг поняла, что только что разбила ее уверенность в том, что она не испортит жизнь потенциальным детям. Как же я не подумала об этом? Прочитав письмо Леоны, я думала лишь о том, что Олег как-то исцелился, а значит, может и Юлька. Но что, если нет? Что, если Олег так и остался инвалидом на всю жизнь, просто женился и родил Агату? Да, сто лет назад такой диагноз стал бы приговором для обычного человека, крестьянина, но у шляхты наверняка были совсем иные возможности. За него вполне могла выйти замуж девушка. Может быть, не из богатой и влиятельной семьи, а из какого-нибудь обедневшего рода, так Вышинские и сами, насколько я могу судить, были не совсем типичными богачами.

– Отец Агаты Вышинской тоже не мог ходить от рождения, – пояснила я. Что мне теперь оставалось? Только говорить правду до конца как можно более спокойным и уверенным тоном. – Я нашла письма предположительно его тети. Там не очень много информации, но она пишет, что маленький Олег не мог ходить, его ноги имели странную форму. Чем все закончилось потом, я пока не знаю, но, раз у него появилась Агата, значит, он прожил полную жизнь.

И тут же я вспомнила слова Веры о том, что в деревне считают, будто отец Агаты погиб вовсе не на войне, а раньше. Но вот Юльке об этом знать точно не стоит.

– И значит, это все-таки передается по наследству, – тихо заключила Юлька. – Ты говорила, что наш прапрадед и отец Агаты были родными братьями? Значит, кто-то еще страдал таким же заболеванием, потому что не отец Агаты мне его передал, а кто-то выше наградил им нас обоих.

– Поэтому я и хочу разобраться с документами, – с показным энтузиазмом ответила я. – Чем больше мы узнаем, тем лучше. Быть может, что-то подскажет нам не только, как это передается, но и как лечится.

Юлька удрученно кивнула, но тут же встряхнулась и улыбнулась. В этом была вся моя сестра: какие бы испытания ни выпадали на ее долю, она поднимала голову и шла вперед. Это я сбегала от проблем в другую страну, в полесскую глушь, а она все удары принимала с прямой спиной и гордо поднятой головой.

Закончив с чаем, я отнесла тарелки на кухню, сгрузила все в раковину и притащила объемную папку, привезенную паном Брынзой. Начать решила с этих документов, а затем уже заняться теми, что нашла в доме. Но оказалось, что о самих Вышинских в документах все-таки почти не было информации, в основном бумаги касались дома и прилегающей территории, а также налогов и, как я и думала, неплохого счета в банке и акций. Может, Агате и было почти сто лет, но адвоката она себе нашла грамотного, и тот умело распоряжался ее деньгами.

Вскоре нашлась копия свидетельства о рождении Агаты Вышинской. Копия, потому что, как и рассказывал пан Брынза, оригинал погиб при наводнении в 1944 году. Родителями Агаты, родившейся 1 марта 1925 года, значились некие Арина Станиславовна Вышинская и Олег Михайлович Вышинский. Об Арине больше никаких упоминаний не было, а вот запись о рождении Олега значилась в дарственной на дом и усадьбу. Точнее, также в копии. Олег Михайлович родился в 1895 году, а умер в 1942. Значит, либо в деревне ошиблись, либо Агата смогла подделать свидетельство о смерти отца.

– Интересно, от чего он умер? – пробормотала Юлька, увидев запись. – Едва ли он ушел воевать на фронт.

– Мало ли от чего умирали в то время, – пожалала плечами я. – Туберкулез, пневмония, голод, фашисты, а то и свои. Его могли расстрелять как врага народа, за такую-то усадьбу.

– Тогда и усадьбу забрали бы, – справедливо заметила Юлька.

Поскольку в этих документах больше не было ничего важного, я отправилась за теми, что нашла в доме. Не рассматривая, что беру, сгрузила все в большую коробку и вернулась обратно. Едва только вышла на террасу, вскрикнула и выронила коробку: Юлька полулежала в своем кресле, бледная, с испариной на лбу, закрытыми глазами и плотно сжатыми губами.

– Юля!

Я бросилась к сестре, взяла в ладони ее лицо. Она не пошевелилась, ничего не ответила, даже ресницы не приподняла. Она была без сознания.

Быстрее молнии я метнулась на кухню, схватила стакан воды и аптечку, где у нас точно был нашатырный спирт. Только когда я провела под ее носом резко пахнувшей ампулой, Юлька дернулась и открыла глаза. Я тут же подала ей стакан воды, она сделала маленький глоток.

– Ты чего? Что случилось? – Я присела перед ней на корточки, взяла в руки ее ладони, отмечая, какая холодная у нее кожа.

– Не знаю, – нехотя прошептала Юлька. – Так нехорошо вдруг стало, все поплыло перед глазами, а затем исчезло.

Ее обморок не на шутку перепугал меня, такого никогда еще не случалось.

– Сколько таблеток обезболивающего ты приняла сегодня? – строго спросила я, посчитав, что в них могла быть причина.

Ни родители, ни я давно уже не контролировали, сколько именно лекарств она пьет, считая ее взрослой и умной, но ей всего двадцать один, и она не врач, могла переборщить, если ноги болели слишком сильно.

– Ни одной, – призналась сестра.

– Почему?

Я же видела, что ей было больно. Да и бледность кожи говорила о многом.

– Они закончились вчера вечером.

И я об этом узнала только сейчас! Юлька настолько не хотела меня беспокоить, что не сказала о такой важной вещи! На что вообще она рассчитывала? Ведь знает же, что без таблеток ей слишком больно, и если уж ноги разболелись по какой-то причине, то боль сама по себе не исчезнет.

– Почему ты мне не сказала?

Сестра пожалала плечами.

– Я хотела Кирилла попросить купить. Он собирается завтра в город. Думала, у меня есть еще в запасе пара штук, но оказалось, нет.

Я отпустила ее руки и выпрямилась, думая, что делать. Впрочем, вариант был всего один: ехать в город и покупать лекарства прямо сейчас. Рецепты у меня есть, аптеки работают. К обеду вернусь.

Оставлять Юльку одну не хотелось, но и тащить ее с собой в таком состоянии тоже. Она потеряла сознание от боли, мне лучше просто поторопиться. Уложив ее в постель, я позвала Кирилла и попросила его не отходить от сестры ни на шаг.

Востровку проехала быстро, а вот в Степаново притормозила. До города еще двадцать километров, потом обратно, да еще там найти аптеку. Час минимум потрачу, а то и больше. Пожалуй, стоит уже познакомиться с местным фельдшером, может быть, у него есть что-то

по сильнее анальгина. Одолжу, потом откуплю при необходимости.

ФАП находился рядом с уже знакомым мне административным зданием и представлял собой обычный одноэтажный деревянный дом. Я заметила его еще в первый день нашего приезда, но если бы не большой зеленый крест у входа, и не догадалась бы, что это местная лечебница. Возле двери не толпились жаждущие врачебной помощи, и я осторожно вошла внутрь, чтобы не шуметь. Сама не знаю, зачем соблюдала тишину, кому я тут могу помешать? Но кралась аккуратно, будто собиралась украсть эти обезболивающие, а не попросить их.

Длинный полутемный коридор был пуст, вдоль одной стены стояли древние стулья, точно такие же, какие я видела в местном клубе. Коридор заканчивался дверью с большим узорчатым стеклом, и, поскольку идти больше было некуда, я направилась туда и нос к носу столкнулась с другим посетителем, ударив его дверью. Но сам виноват, зачем стоял прямо за ней, напугал только! От неожиданности я подпрыгнула, хорошо, не взвизгнула. В первый момент мужчина показался мне незнакомым, но стоило только ему отойти на шаг назад, как я узнала в нем своего соседа. Того самого, что вытащил меня из болота и отказался проводить домой.

– Иван? – выдохнула я, приводя в норму дыхание, сбившееся от испуга.

Он тоже меня узнал.

– Эмилия, – произнес как будто недовольно. Если бы мне зарядили по лбу дверью, я, наверное, тоже была бы не слишком счастлива. – Что вы здесь делаете?

– Ищу фельдшера. У сестры закончились нужные ей таблетки, хотела разжиться.

– Его здесь нет.

Я с сомнением посмотрела на его руки, в которых он держал коробку с бинтами, ватой и еще какими-то пакетиками. Если здесь нет фельдшера, то куда он несет эти медикаменты? Иван проследил за моим взглядом и, клянусь, смутился. Или испугался. Я застала его на месте преступления? Он был прилично одет, подстрижен и не казался изможденным деревенским парнем, неужто не может купить себе бинты и вату? Или же, как и я, пришел сюда, потому что быстрее?

– Что ж, рад был повидаться, – сказал он, старательно протискиваясь мимо меня к двери.

Очевидно, правдоподобной лжи быстро не придумал. Или не посчитал нужным что-то мне врать. А я не собиралась настаивать, какое мне дело? Только проводила его взглядом и вдруг заметила на рубашке сбоку кровавое пятно. Оно было большим, и кровь не казалась засохшей. Напротив, пятно увеличивалось прямо на глазах.

– Иван!

Сосед остановился, но не обернулся. Мне бы понять, что ему не нужна моя помощь, раз не попросил, наоборот, он старается сбежать от меня, но я сказала:

– У вас кровь. Вы поранились? Нужна помощь?

Иван торопливо прикрыл рукой пятно, хотя оно было уже больше его ладони.

– Сам справлюсь, – буркнул он, торопливо выходя на улицу. Только бросил напоследок взгляд, заставивший меня поежиться и пожалеть о том, что вообще заметила кровь на рубашке.

Я вышла следом за ним, поскольку оставаться внутри все равно не было никакого смысла.

– Давайте я вас подвезу, – громко предложила я, видя, что он пешком направился в сторону Востровки.

– Не стоит, – не оборачиваясь, ответил он. – Я оставил машину возле магазина.

Что ж, навязываться не стану. Я предложила помощь дважды, он дважды отказался.

– Приглашение на ужин еще в силе! – только и крикнула ему вдогонку.

Он ничего не ответил, а я почувствовала себя последней дурой. Да, мне хотелось как-то отблагодарить его за спасенную жизнь, но он этой благодарности явно не жаждал, пора бы уже понять. Понять и перестать навязываться. Половина бед в моей жизни оттого, что я никогда не могу вовремя заметить ту границу, после которой вежливость превращается в навязчивость.

Фельдшер Сергей Петрович приехал еще через десять минут. За минуту до того, как я решила, что ждать его не имеет смысла, в город съезжу быстрее. С Сергеем Петровичем мы еще не встречались, однако он сразу меня узнал. Местные наверняка уже не раз обсудили наш приезд. В маленьких городах и тем более в деревнях поводов для сплетен не так и много, и каждый приезжий не остается без внимания.

К моей просьбе Сергей Петрович отнесся без энтузиазма, но нужные таблетки выдал.

– Вы за сестрой присматривайте, – посоветовал он, отсыпая мне горсть в бумажный кулек. – Верка Жуковская как прознает о ее болезни, тут же со своими травками прицепится. Не пускайте ее к Юлии, только хуже сделает.

О вражде фельдшера и Веры мне уже было известно. Как и Вере о болезни Юльки, но Сергею Петровичу я об этом не сказала. Вера ни разу не предложила помощь в лечении ни мне, ни Юльке. Сестра непременно сказала бы мне об этом. То ли Вера понимала, что подобную помощь мы едва ли примем, то ли знала, что никакими травами Юлькины ноги не вылечить.

Даже получив кулек с таблетками, я не поднялась со стула, ведь мне еще нужно было выудить кое-какую информацию, поэтому я как можно более достоверно изобразила желание посоветоваться и услышать мнение фельдшера.

– Врачи нам всегда говорили, что Юлькина болезнь просто случайная аномалия, но недавно я узнала, что отец Агаты Вышинской родился с таким же заболеванием. Как думаете, не может она передаваться по наследству?

– Откуда ж мне знать? – пробурчал фельдшер, поправляя старомодные круглые очки на носу. – Ваши московские профессора образованнее.

– Но иногда с земли виднее. Вы ведь давно здесь работаете, разное повидали.

Если я и хотела ему польстить, то он не купился.

– Отца Агаты я не знал. Я, конечно, уже довольно стар, но родителей ее все равно не застал.

Что было неудивительно, если учесть, что Олег Вышинский умер в 1942 году только по официальным данным. Сергею Петровичу на вид было лет шестьдесят, едва ли намного больше.

– А других таких случаев у вас тут не бывало?

– Если это по наследству передается, то Агата последней из Вышинских была. У нас, по крайней мере.

– И она ничем таким не страдала?

– Она вообще ничем не страдала.

– В девяносто-то лет? – не поверила я. – Ни давления, ни артрита?

Сергей Петрович снял очки и посмотрел на меня, близоруко щурясь. Не знаю, о чем он думал. То ли о моей неуместной навязчивости, которую сейчас я могла оправдать, то ли

считал, что я подозреваю его в обмане.

– Если и страдала, то ко мне не приходила, – наконец сказал он. – Может, Верка ее лечила, не знаю. Верка к ней в дом вхожа была, хотя вообще-то Агата людей сторонилась. Не обижала, нам помогала, спонсорскую помощь всегда оказывала, но близко к себе не подпускала. О нуждах наших через других справлялась, список необходимых медикаментов я ей через Киру, сына Верки, передавал. От государства многого не дождешься, а что дадут, то самое дешевое и бесполезное, так что Агата нам тут сильно помогала. За это ее уважали и к ней не лезли.

Сергей Петрович замолчал и продолжил сверлить меня взглядом, и я поняла, что он пытается понять, продолжу я благотворительность своей родственницы или нет. Возможно, от этого в том числе будет зависеть, как меня примут. Пока кредит доверия мне был выдан, а вот оправдаю ли я его, будет зависеть исключительно от меня. Заверив фельдшера, что он по-прежнему может передавать через Кирилла список необходимых медикаментов, я не могла не задать еще один волнующий меня вопрос:

– Сергей Петрович, мне показалось, что... – я осеклась, тщательно подбирая слова. – Жители Востровки имеют некоторые странные убеждения... Мне рассказывали про Багника, Воструху, Лесуна...

Сергей Петрович хмыкнул, выражая отношение к верованиям соседей.

– Как думаете, это не может быть результатом влияния болота? Я слышала, болотные газы вредны, могу вызывать галлюцинации...

– Невежество вредно, – припечатал фельдшер. – И нежелание прислушиваться к более образованным людям. Живут в своем болоте, застряли в позапрошлом веке, просвещаться не хотят, вот и результат.

– А если бы я сказала, что тоже кое-что видела? – осторожно уточнила я.

– Тогда я бы выписал вам успокоительных капель и посоветовал не есть приготовленную Веркой еду. Кто знает, может, она вам что-то подсыпает? Бойтся, что вы как образованный человек попытаетесь принести в Востровку цивилизацию и оставите ее без работы.

Что ж, предположение было весьма логичное, я не могла этого не отметить. Жаль только, что если что-то в болоте и своей комнате я начала видеть не с первого дня в доме, то странные видения об Агнии, ощущения, что я уже бывала в усадьбе, начались еще до того, как Вера стала готовить нам еду. Но подумать мне определенно было над чем.

Юлька встретила меня в лучшем состоянии, чем была, когда я уезжала. Она еще оставалась в постели и была бледна, но уже улыбалась и не пыталась упасть в обморок. На столе возле ее кровати я заметила букет каких-то засушенных цветов и чашку со странно пахнущим чаем.

– Это Вера принесла, – пояснила Юлька. – Чай, кстати, очень вкусный.

Я поднесла кружку к носу, принялась. Пахло липой и чем-то еще, что я не могла определить. Не стала ничего говорить сестре, но не сомневалась в том, что улучшение ее состояния – заслуга Веры. Та не навязывала нам свои услуги, но втихаря решила помочь там, где могла. И пусть я не верила в ее знахарские способности, но знала, что определенные травы могут облегчить боль.

Накормив Юльку традиционным обезболивающим, я заставила ее немного вздремнуть, а сама отправилась в деревню. Вера и даже фельдшер ничего не могли рассказать об отце Агаты, но вдруг среди местных найдется кто-то, в чьей памяти остались хотя бы слухи?

Через кукурузное поле шла пешком. Заводить машину ради какого-то полукилометра было глупо, а воздух был так прозрачен и чист, что, казалось, можно коснуться его пальцами и он зазвенит, как струны арфы. Пахло луговыми цветами и болотной водой, но теперь этот запах казался мне приятным. Чем больше времени я проводила в усадьбе, тем меньше неудобств замечала, тем большей любовью к местной природе проникалась. И хоть беспокоило меня состояние Юльки, хоть появлялись мысли о том, чтобы уехать пораньше, а уезжать не хотелось. Хотелось вот так каждый день идти в деревню, узнавать местный быт, слушать сказки о Багнике и Вострухе.

Я никогда не была фанаткой мифологии, хотя азы знала. Но то были стандартные домовые и лешие, водяные и русалки, здесь же, в этом Богом забытом местечке, верования были свои, особенные, и оттого страшные и притягательные.

Кукурузное поле я прошла быстро, погруженная в мысли, остановилась у края кладбища. На кладбище я еще не была, что мне там делать? Даже Агату я не знала и никогда не видела, ничью другую могилу мне и вовсе не приходило в голову навещать. Тем не менее сейчас что-то заставило меня остановиться. Это не было предчувствием или интуицией, я почти физически ощущала, как меня тянет на кладбище. Будто внутри себя я знала, что там, за деревянным забором, увижу нечто важное. Если бы не все мои странные видения, я бы проигнорировала этот шепот внутри, даже слов которого не могла разобрать, но сейчас шагнула к калитке и протянула руку к хлипкому замку-защелке.

Едва только пальцы коснулись нагретого солнцем металла, я провалилась в видение.

Траурная процессия была большой: на свадьбы и похороны всегда собиралась вся деревня. Отец уже отослал несчастной вдове материальную помощь, и в нашем с Эленой присутствии не было никакой необходимости, но мы не могли пропустить похороны. И вовсе не потому, что хорошо знали Митю, сына покойника. В нас говорило любопытство. Все вокруг шептались, что дядю Степана, отца Мити, убила Лихоманка. Слухи эти дошли и до усадьбы, накануне вечером я слышала, как перешептывались кухарки. Они говорили, что Лихоманка никогда не приходит одна, а если убила кого, то жди эпидемии. Скоро в деревне многие начнут болеть, дел у бабки Павлины, нашей знахарки, будет невпроворот.

Отец и мама, вероятно, придерживались такого же мнения и переживали, что Лихоманки доберутся до усадьбы, потому что утром за завтраком отец строго-настрого запретил ходить в деревню. Запретил, но сам уехал в город по делам. Елена нашла меня в саду, когда я помогала Андрею ухаживать за розами. Мама, если бы увидела, ругалась бы, но я очень любила возиться с розами. А исколотые их шипами пальцы всегда можно оправдать слишком усердным вышиванием. Вышивать нам не запрещалось.

– Пойдем в деревню, – зашептала Елена мне в самое ухо, чтобы не услышал Андрей. Тот, увидев неугомонную сестрицу, тут же насторожился, будто знал, что она задумала что-то недоброе.

– Папа запретил, – одними губами напомнила я.

– Папа уехал, – усмехнулась Елена. – Неужто тебе неинтересно?

Мне было очень интересно! Интересно и капельку страшно. Страх этот тонким перышком щекотал затылок, и я не могла сопротивляться соблазну. Места у нас были беспокойные, всякое случалось и в лесу, и, тем более, на болоте, но Лихоманки еще не навещали деревню, и мне очень хотелось знать, как же это происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5fn>

notes

Кого это ты привез, Гришка? (бел.)

Прекрасно! Очень приятно. Дедом Кастусем меня зовут (бел.)

А разве я не нормально разговариваю? Эмилия все понимает. Понимаешь же? (бел.)

Понимаю (бел.)

Хорошо. Добро пожаловать, если так. Еще увидимся. Меня тут все знают. Но будьте осторожны, говорят, серого волка видели в лесу! (бел.)

Какая же это ерунда? Ты, Гришка, отъелся, как пан, а дурной, как баран. Взял бы лучше косу, помахал ею день, глядишь, и ума добавилось бы, и мать бы чужих людей не просила (бел.)

Лучше смерть в поле, чем жизнь в рабстве. А ты именно в рабстве и живешь, Гришка. Корни забыл, за деньги продался. Разве не помнишь, что деды рассказывали? Боюсь, как бы снова не началось (бел.)